

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Подумав — решайся,
решившись — не думай!

ДРАКОН И КАРП

Книга I. КУКЛА-ТАЛИСМАН

Генри Лайон Олди
Кукла-талисман
Серия «Чистая Земля»
Серия «Дракон и Карп», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
2021

Аннотация

Закон будды Амида превратил Страну Восходящего Солнца в Чистую Землю. Отныне убийца жертвует свое тело убитому, а сам спускается в ад. Торюмон Рэйдэн – самурай из Акаямы, дознаватель службы Карпа-и-Дракона – расследует случаи насильственных смертей и чудесных воскрешений, уже известных читателю по роману «Карп и дракон».

Но даже смерть не может укротить человека, чья душа горит в огне страстей. И теперь уже не карп поднимается по водопаду, становясь драконом, а дракон спускается с небес, чтобы стать карпом. Дознаватель Рэйдэн узнает это, рискуя собственной жизнью.

Первую книгу нового романа «Дракон и карп» составили «Повесть о мертвых и живых», «Повесть о кукле-талисмани» и «Повесть о двух клинках».

Содержание

Пролог	5
Повесть о мертвых и живых	15
Глава первая	15
1	15
2	25
3	32
Глава вторая	39
1	39
2	44
3	50
4	56
Глава третья	65
1	65
2	71
3	74
4	81
5	85
Глава четвертая	93
1	93
2	101
3	106
Глава пятая	113
1	113

Генри Лайон Олди

Дракон и Карп. Книга

1. Кукла-талисман

Если в моей стране, после обретения мною состояния Будды, будет место для ада, царств голодных духов и животных, пусть я не достигну наивысшего Просветления.

Изначальная молитва Будды Амиды

Пролог

Небо горело над монахом.

Этот пожар не сжег бы и случайную мошку. Алые листья клена, чья крона вспыхнула неделю назад, горели без жара и дыма. На этот холм в излучине Кауры редко приходили с целью полюбоваться красками осени. Знатоки предпочитали более живописные места, а если и взбирались на холм, то садились на расстоянии от деревьев, чтобы лучше видеть трепещущую листву. Монах же всегда садился под клен, опершись спиной о шершавый ствол, закрывал глаза и превращался в резную статую. Случалось, он поднимал лицо вверх, к листьям, но глаз не открывал.

Вероятно, клен в воображении монаха был прекраснее

клена в действительности. Оставалось загадкой, зачем он вообще бил ноги, поднимаясь на холм. Воображаемые клены отлично растут где угодно, хоть в общественных банях Киото.

– Старшему дознавателю службы Карпа-и-Дракона в городе...

Поразмыслив, монах велел:

– Возле имени дознавателя и названия города оставь пропуск. Пусть в канцелярии сделают семьдесят две копии письма и вставят все, что требуется, по списку. Если понадобятся дополнительные копии, проследи, чтобы с этим не возникло заминки. Рассылка должна пройти как можно быстрее.

Секретарь кивнул:

– Да, святой Кёнё.

Он сидел в пяти шагах от монаха, прямо на земле, подстелив для удобства соломенную циновку, обшитую тканью по краям. Перед секретарем стоял низенький столик на черепаших лапах, инкрустированный перламутром. Главным достоинством столика была устойчивость – монах часто вынуждал секретаря делать записки в мало подходящих для этого местах. Инкрустацию по большей части скрывали «драгоценности кабинета» – письменные принадлежности. Тушечница из черной яшмы, листы рисовой бумаги, стаканчик с кистями из козьего и барсучьего ворса – все это секретарь достал из лаковой коробки, которую принес с собой, не доверяя слугам драгоценную ношу, и заблаговременно рас-

ставил, не дожидаясь приказа.

– Не зови меня святым, – с укором произнес монах.

– Да, святой Кёнё.

Это был их обычный обмен репликами. Монахам, как известно, не полагаются секретари, но для Кёнё, главы столичной службы Карпа-и-Дракона, делалось исключение. Для него делалось столько исключений, что одним больше, одним меньше – какая разница? Иногда монах подумывал заменить секретаря на другого, такого, который будет повиноваться приказам, а не ускользать от них, как рыба в ручье ускользает из пальцев ребенка. Мысли о замене возникали и исчезали, не оставив последствий. Менять лучшего секретаря на худшего? Только потому, что этот зовет тебя святым? Пустая трата времени.

Особенно если тебя зовет святым каждый встречный.

– Пиши, – монах вяло взмахнул рукой. – «Будда Амида был милостив к нам, грешникам, даровав Чистой Земле благородный закон *фуккацу*. Вняв мольбам моего просветленного отца, светоча добродетели, будда наложил вечный и непреложный запрет на убийство. С тех пор...» Дальше раскрой тему сам. Ты не хуже меня знаешь, о чем писать. Когда закончишь, я продолжу.

Зашуршала кисть.

Ей вторили струны. Весь разговор с секретарем проходил под тихий аккомпанемент: за деревом, невидимый для секретаря, старик-музыкант играл на сямисэне. Обтянутый со-

бачьей шкурой, трехструнный инструмент звучал в «песенном стиле»: так сопровождалось представление в театре Кабуки. Театр приглашал еще барабанщиков и флейтиста, но холм в излучине Кацуры легко обходился без многолюдного оркестра.

«Ветер над равниной Миягино» монах мог слушать вечно. Зная это, музыкант начинал пьесу заново, едва доиграв финал. Если монаху хотелось чего-то другого, он щелкал пальцами и произносил название сочинения вслух. Иногда старик начинал играть сразу по щелчку, угадывая желание господина без слов. Не было случая, чтобы он попросил у монаха прощения, отговорившись незнанием песни.

Ветер трижды пронесся над равниной Миягино, прежде чем секретарь деликатно кашлянул:

– Я закончил, святой Кёнё.

Монах вздохнул.

– Трудно быть сыном бодисаттвы, – объяснил он свой вздох. – В особенности если ты старший сын. Меня сравнивают с отцом, и это всегда не в мою пользу. Ответ родительской славы ложится на меня, и это всегда в мою пользу. Они чужие, и прибыль, и убыток. Что бы я ни делал, они были и останутся чужими. Мое смирение, Ихара-сан, подвергается чрезмерным испытаниям.

Секретарь промолчал. Он хорошо знал цену смирения своего господина. Когда отец монаха, живой бодисаттва Кэннё, чьим молитвам внимал сам будда, умер, сбросив изно-

шенное тело, как сбрасывают ветхую одежду – он оставил настоятелем монастыря Хонган-дзи не старшего сына, чего ждали все, а младшего. И что же? Не прошло и шести месяцев, как старший силой захватил монастырь, изгнав брата. Никакие уговоры не помогали: захватчик не пускал изгнанника и на порог. Понадобилось вмешательство сёгуна, чтобы восстановить волю бодисаттвы, изложенную в завещании и скрепленную личной печатью. В итоге младший сын вернулся в монастырь, а старший покинул его, заняв место главы службы Карпа-и-Дракона. С тех пор он посвящал дни и ночи делам, связанным с фуккацу – воскрешением духа убитого в теле убийцы.

– Пиши дальше: «Люди смертны. При жизни и после нее человек за редким исключением остается человеком. Закон не делает различия между живым и мертвым, в особенности если закон этот положен буддой Амидой. Столкнувшись с трудностями, которые наша служба испытала ввиду вышеуказанного, я счел необходимым...»

Монах открыл глаза. Встал, обогнул дерево.

- Трижды, – сказал он, возвышаясь над музыкантом.
- Да, господин, – откликнулся старик.
- Трижды ты взял неверную ноту.
- Да, господин. Я заслуживаю смерти.
- Ты болен? Если да, я пришлю врача.
- Я здоров, господин. Благодарю за заботу.
- Ты устал? Вернись домой, отдохни. Я дам тебе прово-

жато.

Провожатый музыканту не помешал бы. Если монах, сидя под кленом, закрывал глаза, прячась в искусственной слепоте, слепота музыканта была естественной. Оба зрачка старика затягивала бледная пелена, похожая на утренний туман, стелющийся по берегу реки. Родился музыкант незрячим или утратил зрение с возрастом – этого не знали ни монах, ни секретарь.

– Я не устал, господин.

– Не лги мне!

В голосе монаха звякнула сталь.

– Я не устал, господин, – дрожа от страха, повторил старик. – Я измучен сверх всякой меры, но это не усталость. Вот уже третью ночь подряд я играю в богатом доме, от заката до рассвета. Слуга забирает меня из моего жилища и ведет к слушателям. Публика благодарна, она не скупится на похвалы и подарки. Но когда я возвращаюсь домой...

– Что же происходит, когда ты возвращаешься домой?

– Я не могу заснуть. Мое тело требует отдыха, а разум противится. Разум вспоминает ночное выступление так, словно оно длится без конца. Прошу прощения, господин. Я не должен был отягощать вас своими ничтожными заботами.

Протянув руку, монах коснулся лба музыканта. Прикосновение длилось и длилось, как если бы сын живого бодисаттвы ловил отголоски ночных выступлений.

– Это не дом, – глухо произнес монах. Рука его упала, по-

висла без движения. — Ты играешь на кладбище близ храма Хонэн-ин. Ты играешь для мертвецов.

— Я знаю, — согласился старик.

«Я не должен отягощать вас своими ничтожными заботами,» — вот что повторилось в его ответе.

— Рано или поздно ты не вернешься от них.

— Знаю, мой господин.

— Что ты исполняешь для мертвых?

— «Предательство в храме Хонно», господин. Это все, чего они требуют. И с каждым разом публика впадает во все большее буйство. Они неистовствуют, а я играю.

— Ты хочешь жить?

— Очень хочу, господин. Иначе кто будет играть вам «Ветер над равниной Миягино»? Я готовлю внука себе на смену, но он еще не готов сменить меня рядом с вами. Все, о чем я мечтаю, это еще о двух годах жизни. Два года, разве это много? Тогда вам сыграет мой внук.

— Встань.

Отложив сямисэн, старик с трудом поднялся на ноги. Не считая это ниже своего достоинства, монах взял его за плечо и повел к секретарю. Поравнявшись со столиком, монах наклонился, вынул из стаканчика кисть, обмакнул ее в тушь и начертал на лбу и щеках старика некие знаки. После длительного размышления он добавил цепочку знаков на шее музыканта, заключив дряблую старческую шею в изысканное кольцо. Делая вид, что смотрит в землю, секретарь с удивле-

нием наблюдал за действиями господина. Поначалу секретарю казалось, что он узнает строки из «Сутры о видении будды по имени Неизмеримое Долголетие», но вскоре секретарь понял свою ошибку.

Эти тексты были ему неизвестны.

– После заката за тобой придут, – монах вернул кисть в стаканчик. – Не спорь, иди за слугой. Выступай как обычно, ничего не бойся. А когда закончишь первое исполнение «Предательства в храме Хонно», встань, трижды хлопни в ладоши и громко скажи: «Хвала будде Амиде! Выступление окончено!» Больше за тобой не придут.

– А если придут, господин?

– Не придут, верь мне.

Любой на месте старика рассыпался бы в благодарностях. Любой, только не старик.

– Я слышал подобную историю, – говоря, слепец прислушивался к собственным ощущениям. Знаки, начертанные монахом, имели особое звучание. Старик ловил его всем своим существом, чутким к таким материям. – В Акамага-сэки жил музыкант, слепой как я, мастер игры на *бива*¹. Его тоже приглашали играть для мертвецов. Настоятель храма Амида-дзи покрыл все тело музыканта знаками священных сутр, чтобы мертвецы не смогли коснуться несчастного. Чистыми остались только уши. Посланец мертвых ухватил беднягу за уши и оторвал их.

¹ Бива – струнный инструмент типа лютни.

Монах кивнул:

– Я знаю историю слепого Хоити. Все ее знают.

– Все тело кроме ушей, господин. Вы же оставили мое тело чистым, за исключением шеи и головы. Что оторвут мертвые мне? Руки? Ноги? Может быть, они ограничатся пальцами? Мои пальцы уже не такие, как в молодости, но я ими дорожу.

– Когда закончишь песню, – повторил монах с нескрываемым раздражением, – трижды хлопни в ладоши и громко скажи: «Хвала будде Амиде! Выступление окончено!» Больше за тобой не придут. За кого ты меня держишь, а? За жалкого настоятелишку провинциального храма?!

Взгляд монаха полыхнул огнем. Сейчас легко было поверить, что этот человек пренебрег завещанием отца, живого бодисаттвы, к которому прислушивался сам будда Амиды, захватил монастырь, изгнал брата, а потом лишь волей сёгуна сменил жизнь в обители на руководство одной из важнейших служб Чистой Земли.

– Мне не надо целый день расписывать тебя тушью, чтобы прекратить кладбищенские забавы, – огонь вспыхнул и погас. – Тратить столько туши на дряхлую бездарность? Тратить столько времени? Столько сил?! Хочешь, верь, хочешь, не верь, но все будет, как я сказал. Эй, кто там?

По склону взбежал юноша-слуга. Повинуясь жесту монаха, он положил руку слепца себе на плечо – и повел старика прочь.

– Третий случай, – монах смотрел им вслед, хмурился. – Уже третий случай со слепыми музыкантами на кладбище Хонэн-ин. Третий за последние два года. Что-то господа покойники совсем распоясались. Пора прикрутить им хвосты при всем уважении. На чем мы остановились?

– «Закон не делает различия между живым и мертвым, – зачитал секретарь вслух, – в особенности если закон этот положен буддой Амидой. Столкнувшись с трудностями, которые наша служба испытала ввиду вышеуказанного...»

– Вот-вот, – согласился монах. – Пиши дальше: «...я счел необходимым учредить в рамках службы Карпа-и-Дракона особый отдел. В его обязанности войдут случаи фуккацу, выходящие за пределы обыденных. Старшему дознавателю приказываю взять такие особые отделы под личный контроль. В случае затруднений рекомендую обращаться...»

Налетел ветер. Несколько листьев сорвались с ветвей. Упав к ногам монаха, они лежали на земле как красные кляксы – или отпечатки окровавленных ладоней.

Повесть о мертвых и живых

Есть чувства, сила которых такова, что они порабощают человека. В этом смысле нет разницы между любовью и ненавистью, стремлением отомстить или облагодетельствовать. Не все ли равно, кто волочит тебя по земле, надев веревку на шею – красавец или урод?

Отказаться от чувств нельзя. Сколько ни говори, что сердце должно уподобиться стилому пеплу – пустая затея. Даже будде свойственно милосердие. Но можно отказать чувству, если из спутника оно превращается во владыку. К сожалению, владыки гневливы, отказывать им опасно для жизни.

«Записки на облаках»

Содзю Иссэн из храма Вакаикуса

Глава первая Журавли – символ удачи

1

«Будьте моим гостем»

Широкие размашистые мазки.

Небесный художник рисовал вечер. Картина менялась через каждые три-четыре вдоха. Вот только что горизонт полыхал багрянцем заката, а выше вздымался к зениту птичий хвост – лиловые перья облаков. Но стоило сморгнуть – и багрянец потускнел, едва тлеет тонкой полоской. Перья разлохматились, из лиловых сделались пепельными, из возвышенных – печальными. Почернели, обуглились, превратились в исполинского вóрона.

– Кажется, я слишком быстро дышу, – пробормотал Одзаки Хэруо.

Он еще раз моргнул. Когда же взор Хэруо вновь обратился к вышнему холсту, то обнаружилось, что ворон потерял очертания, расплылся пятном туши. Сквозь эту всеохватную черноту проступили блестящие крупинки серебра – первые звезды.

– Или кто-то слишком быстро рисует...

Хэруо покачнулся и ухватился за ближайшую изгородь, дабы не упасть. Пока он с натугой возвращал себе приемлемое равновесие, прохладный ветер овеивал разгоряченное лицо. Горьковатый аромат осенних листьев мешался с бодрящей свежестью близкого моря. В голове заметно прояснилось. Хэруо даже отпустил спасительную ограду и отметил, что ободрал ладонь о занозистую доску. Впрочем, достоин ли доблестного самурая обращать внимание на подобные мелочи?

Доблестный самурай протрезвел в достаточной степени,

чтобы осознать, что он пьян. Да, пьян! И битый час любитесь закатом. Торчит в безымянном переулке, периодически засыпая с открытыми глазами. Или все-таки с закрытыми? Не важно. Главное, теперь он может стоять ровно. Он может идти. Точно, может, если не очень быстро. Может вспомнить, в каком он квартале, что он здесь делал, куда направлялся...

Кстати, а куда он направлялся?

Хэруо сосредоточился. В портовый квартал он пришел... Зачем? Ага, тут саке дешевле. Куда он собирался потом? В Ю-Каку, Двор Развлечений, где есть красотишки на любой вкус, а главное, на любой кошелек, от «птичек с набережной» до «сливовых чайноков». Деньги остались? Да, за пазухой, в кошельке. Значит, пошел, да не дошел. Глазел на закат, пока не стемнело.

Что теперь? Теперь – все. Ворота закрыли, стража до утра из квартала не выпустит. Пробираться обходными путями? Вернуться пить дальше? Там же и заночевать? Кривой Нори не откажет, он никому не отказывает...

Качаясь сосной под ветром, Хэруо прислушался к себе. Удивительное дело! Саке ему не хотелось. И спать не хотелось. Хотелось женщину. Любую. Желательно помоложе и не совсем уродину. Остальное – пустяки. Он выпил достаточно! Вполне достаточно, чтобы...

Самурай расхохотался. Ну да, сейчас любая подойдет. Только где ее взять, любую? Раньше надо было думать. Тоже мне, закат! И кстати, чем это пахнет?

Посреди осени повеяло весной. Словно кто-то вслух произнес имя самурая.² Цветы? Цветов, которые бы так пахли, Хэруо припомнить не мог, как ни старался. Духи? Женские духи?

– Простите мою дерзость, господин...

– Что? Кто?!

– Кажется, вы заблудились?

– Я? В родном-то городе?!

Нельзя было оборачиваться так резко. Перед глазами все поплыло. Голова закружилась, Хэруо чуть не упал. То-то вышла бы неловкость! Нет, мы еще ого-го, мы стоим на ногах! Мы стоим и любимся, только уже не закатом.

Длинное, до пят, кимоно. Ткань блестит перламутром. Это все луна, да. Выбравшись на небосклон, луна протекла на безымянный переулок, смазала, смешала цвета и оттенки. Почему она так ярко светит? Аж глаза слезятся! Из-за этого вокруг всего, куда ни глянь, расплываются туманные ореолы.

Красиво.

Кимоно светлое, пояс темный. Не разберешь, какого цвета. Ну и не надо. Дался тебе этот пояс, дурачина! Лицо... Вторая луна взошла! Глаза, брови, губы. Вот же повезло! Родинка на левой щеке. С родинкой даже лучше. Маленький изъян делает красавицу совершенной. И вообще, кто здесь был согласен на любую женщину?!

– Еще раз простите, господин, но знаете ли вы, где нахо-

² Хэруо – Человек весенней поры.

дितесь?

– Конечно, знаю! Я в портовом квартале.

Хэруо вспомнил о вежливости:

– Благодарю за заботу.

– Неужели вы живете здесь? В этих трущобах?!

Хэруо хотел ответить, но к горлу подкатило. Удалось лишь отрицательно икнуть. Девица рассмеялась: словно пригоршня серебра раскатилась по переулку.

– Как же вы попадете домой?

– Не знаю, – с вызовом ответил Хэруо.

Он с усилием сглотнул. Чаше забилося сердце, кровь быстрее побежала по жилам. Последнему болвану ясно, на что намекает девица!

– О, господин! Вы что, хотите ночевать на улице?

– Если такая красавица, как ты, предложит мне лучший ночлег...

– Красавица? Вы мне льстите.

В руке девицы возник веер, она прикрыла им лицо, будто в смущении. Безыскусное, такое милое притворство породило в Хэруо ответную бурю чувств.

– Разве можно польстить луне на земле? Родной сестре луны в небе?

– Отвечу любезностью на любезность. Могу ли я позволить такому учтивому и благородному господину спать под забором? Если вы не побрезгуете моим скромным жилищем, я почту за честь...

– Усталый путник и не мечтает о чем-то большем!

– Надеюсь, господин преувеличивает свою усталость, – девица подмигнула с откровенным лукавством. – Идемте же! Тут недалеко.

«Недалеко» оказалось понятием растяжимым. Хэруо едва поспевал за девицей, которая вела его за собой через хитро-сплетения темных улочек и переулков. Самурай много раз бывал в портовом квартале, но совершенно его не узнавал. Ох уж это сакэ! Ох уж этот обманчивый лунный свет! Вступив в сговор, они превращали пропахший рыбой и нечистотами квартал в колдовской лабиринт. Вонь сгинула, расточилась, остался лишь аромат духов его проводницы. Он вел Хэруо за собой как на привязи, даже если красавица скрывалась за поворотом, на десяток шагов опередив спутника.

Впереди мелькнул свет фонаря. В его охристых мазках Одзаки Хэруо опознал Оониси, Большую Западную улицу. Девушка придержала шаг, дожидаясь спутника.

– Мы почти у цели, господин. Но нам лучше переждать.

По Оониси шел ночной патруль. Хэруо с девицей притаились в тени. Ну да, зазывать мужчин к себе на ночь – занятие не вполне законное. Оно было бы законным во Дворе Развлечений, но никак не здесь. На глаза патрулю лучше не попадаться.

Хорошо, подумал Хэруо, что я не пропил все деньги. Будет чем отблагодарить красотку. Вряд ли она внезапно воспылала страстью к незнакомцу и готова провести с ним ночь

совершенно бескорыстно. Мысль была на удивление трезвой. Разочарования Хэруо не испытал: на иное он и не рассчитывал. Возбуждение покусывало его за шею, копошилось в штанах.

Скорей бы уже дойти до ее дома!

Свет фонаря исчез в отдалении. Стихли шаги стражи. Мужчина и женщина продолжили путь, пересекли Оониси, вновь углубились в извилистые лабиринты. Запах духов усилился, ударил в голову не хуже саке. Девушка замедлила шаг, обернулась:

– Мы пришли, добрый господин. Не побрезгуйте, будьте моим гостем.

По дорожке, ведущей от калитки, они двинулись к дому. Аромат сделался густым, как патока, в нем пробились душевные сладковатые нотки. Хэруо начало подташнивать. Как бы не опозориться! Возле крыльца росли диковинные цветы с длинными «ресницами», в лунном блеске они полыхали призрачным огнем. Это цветы, а не духи источали будоражащий запах, который удавкой захлестнул шею самурая и вел его за красавицей всю дорогу.

Я их видел, вздрогнул Хэруо. Где же я видел такие цветы?

– Я нуждаюсь в изголовье, – тонким голоском спела девушка, кокетничая. – Но если изголовья нет, я готова преклонить голову на колени человека с чувствительным сердцем...

В дверях она обернулась, с улыбкой поманила гостя за собой. Цветы? Какие цветы, когда впереди восхитительная

ночь?! Разуваюсь у входа, Хэруо едва не упал. Ухватился за стену, слышал хруст. Вроде бы, все цело, ничего не сломал. Девушка раздвинула бумажную дверь; в последний момент самурай успел заметить, что бумага мерцает. На ней проступал темный рисунок: цветы, опять цветы, похожие на глаза с ресницами. С тихим шелестом перегородка ушла в сторону, рисунок исчез. Свет, льющийся изнутри, сделался ярче, желтым прямоугольником упал на пол, под ноги. Нет, это не свет, это новенькая циновка. Гостеприимно расстелена, приглашает войти... Или все-таки свет?

Хозяйка зажгла лампу? Зажгла, уходя из дома?! Хэруо икнул от изумления. Не пожалела масла? Не побоялась пожара? Так ждала гостя?!

Забыла погасить перед уходом?

Девушка скользнула в комнату, пропала из виду. В душе Хэруо пробудилась от спячки змея тревоги: шевельнулась, расправила скользкие холодные кольца. Аромат упал сверху рогаткой змеелова, прижал змеиную голову. Ослабевшее было вождение вспыхнуло с двойной силой, самурай решительно шагнул вперед. С опозданием вспомнил о плетях за поясом: нехорошо, неправильно, надо было оставить оружие в коридоре...

Да ладно! Будь хозяин мужчиной – счел бы оскорблением. А красotka не обидится. Даже не заметит...

Яркий свет лампы больно резанул по глазам. Хэруо зажмурился, вскинул ладонь к лицу. Пошатнулся, как от толч-

ка – это сакэ, все сакэ виновато! Пить надо меньше. Иначе с чего бы обычной масляной лампе гореть ярче пожара? И с чего бы в этом удивительном огне, за миг до того, как Хэруо смежил веки, взору его предстали не один, а два темных силуэта?

– Ты кто такой?! Что за невежа лезет в дом без спросу?

Голос был мужской: грубый и гневный.

– Я Одзаки Хэруо! А ты кто такой?!

Хэруо считал себя человеком обходительным. Но с грубиянами у него разговор был короткий. Если к нему обращались без должного почтения, самурай отвечал тем же. Кланяться? Лебезить? Извиняться до последнего и только потом вступать в схватку? Нет, это не для Одзаки Хэруо!

– Я Кояма Мичайо! Что ты тут делаешь? Отвечай!

Хэруо наконец проморгался. Лампа светила из-за спины Коямы, и он по-прежнему видел перед собой лишь силуэт наглеца на фоне стены, обтянутой расписной бумагой: в голубом небе с редкими облаками летели журавли.

– По какому праву ты спрашиваешь?!

Гнев закипал внутри, подступал к горлу. Ладони сами легли на рукояти плетей за поясом. Хорошо, что он не оставил их при входе! «А вдруг это ее брат, и он в своем праве?» – запоздало пришло в голову. Гнев от здоровой мысли ничуть не унялся. Напротив, разгорелся еще больше.

– По праву гостя и защитника прекрасной госпожи!

– Это я гость прекрасной госпожи! – взревел Хэруо. – А

ты – дерзкий самозванец!

Кояма тоже не оставил свои плети при входе. Больше не тратя слов, оба выхватили оружие, не став разворачивать плети. В тесноте комнаты сподручней было сражаться дубовыми рукоятками, как палками.

Занося большую плеть для первого удара и выставив перед собой малую для защиты, Хэруо бросил взгляд в дальний угол комнаты. Девушка сидела на тюфяке, застланном дорогим покрывалом цвета весенней травы – *его* цветом! Лампа перестала слепить глаза, Хэруо видел девушку с неправдоподобной четкостью, во всех подробностях, на какие прежде не обратил бы внимания. Смоляные волосы небрежно расчесаны, концы перевязаны золотыми лентами. Нижнее кимоно – снежно-белое. Поверх него надето другое, шелковое на вате, с узором из лилий и листьев ивы. Пояс цвета осенних сумерек заткан искусной вышивкой в виде листьев клена. Прозрачный шарф на плечах...

Завязанный сзади пояс распустился сам собой – *она его нарочно распустила?* – так, что стало видно третье, самое нижнее кимоно цвета свежей крови.

Хозяйка дома смотрела на мужчин в ожидании.

В нетерпении.

В предвкушении.

«А если не стану?»

– Я пришел заявить о фуккацу³.

Я поднял взгляд на посетителя. Кабинет у меня невелик, двоим – и то тесно. Поначалу я плясал от радости, считая выделенное мне помещение чуть ли не равниной Миягино, где хоть на коне скачи, но вскоре понял, как ошибся в своих представлениях о просторе. Вот и гость тоже топтался на пороге, боясь зайти. Самурай, плети за поясом. Одет прилично, хотя и скромно.

Свидетель или потерпевший?

За миг до появления этого самурая я разглядывал ширму, подаренную мне старшим дознавателем Сэки Осаму, и размышлял о высоком. Вот скажите, что может значить такой подарок – искреннее благоволение или тонкую издевку? Кабинет у меня... Ну да, я уже говорил. Развернуть здесь ширму было решительно невозможно. Спрятать за ней кого-нибудь, кого я хотел бы укрыть при опросе, скажем, свидетеля, а потом пригласить тайного соглядатая выйти из-за ширмы в ключевой момент разговора – это вообще из области чудес. Спрятать, пригласить, выйти – это не про мою каморку.

³ О законе фуккацу (воскрешении души убитого в теле убийцы) и прошлых расследованиях дознавателя Торюмона Рэйдена повествуется в романе «Карп и дракон».

Оставалось лишь поблагодарить господина Сэки, разместить подарок вдоль стены и любоваться ширмой в свободное от работы время.

Журавли, вышитые по голубой ткани – красиво.

– Я пришел заявить о фуккацу, – с нескрываемым раздражением повторил самурай. – Секретарь управы послал меня к вам.

У меня больше не осталось сомнений. Конечно же, потерявший. Убитый, воскресший в убийце – он носил новое тело как одежду с чужого плеча. Кто другой, скорее всего, не заметил бы разницы, но если глаз наметан на такие вещи, все видно сразу. Частичная скованность движений внезапно превращается в расхлябанность; глаза, чуть что, лезут из орбит, моргают невпопад – второй день после воскрешения.

– Располагайтесь, – я указал на подушку для сидения. Служитель раскладывал эти подушки по кабинетам до нашего прихода. – Я приму ваше заявление.

Садясь, он едва не упал. Точно, второй день, готов биться об заклад. Или сильное похмелье после длительного запоя. Временами эти состояния неотличимы.

Я был рад этому человеку. Он имел все шансы скрасить мое одиночество. Шел третий месяц, как мы скучали без работы. Акаяма жила без случаев фуккацу, что не могло не радовать, но управа Карпа-и-Дракона изнывала от безделья. Дома у каждого дознавателя нашлась бы уйма забот по хозяйству, но господин Сэки требовал, чтобы мы безукосни-

тельно являлись на службу – все как один, включая архивариуса Фудо и секретаря Окаду. Каждый приказ Сэки Осаму преследовал какую-то цель, но в данном случае я плохо понимал мотивы начальства.

– Ваше имя?

– Сперва представьтесь вы, – буркнул самурай.

Я ему не нравился. Ну да, возраст. Расселся, понимаешь, молокосос, корчит из себя... Разговаривая со мной, самурай глядел в пол. Мы сидели на расстоянии вытянутой руки, вынужденная близость тревожила, смущала посетителя. Меня всегда удивляло, какие пустяки способны терзать человека, претерпевшего смерть и воскрешение в чужом теле. Казалось бы, все мирское должно улетучиться, а вот поди ж ты!

– Дознаватель Торюмон Рэйдэн, к вашим услугам.

– Младший дознаватель?

– Нет. Теперь я хочу услышать ваше имя.

– Одзаки Хэруо, чиновник по набору крестьян для строительных работ. А это, – он стукнул кулаком в собственную грудь, – Кояма Мичайо. Кто таков, мне неизвестно. Надеюсь, вы выясните.

– При каких обстоятельствах Кояма Мичайо убил вас?

– Задушил.

– Я не спрашиваю, каким образом он это сделал. Я спрашиваю: при каких обстоятельствах?

Он поднял взгляд на меня. Я мог гордиться: реплика, брошенная в наилучших традициях господина Сэки, добавила

мне в глазах посетителя лет двадцать, а то и больше. И весу прибавилось. Вообще-то я тощий, но только не сейчас.

– Мы повздорили из-за женщины.

– Имя женщины?

– Не знаю.

Взор Хэруо обратился к ширме с журавлями. Самурай вздрогнул, закусил губу. Похоже, Одзаки Хэруо не любил журавлей.

– Проститутка? Певичка?

– Не думаю.

– Вы давно знакомы с этой женщиной?

– Мы познакомились в ночь убийства.

– Где?

– В портовом квартале. Я был пьян. Она спросила, не заблудился ли я. Предложила помощь. Мы разговорились, она пригласила меня к себе. Прилично одета, вежливая, хороша собой...

– Что делала прилично одетая, вежливая женщина ночью в портовом квартале? Хороша собой, но без провожатого? Ворота кварталов заперты, приличные женщины сидят по домам. Вас не удивило ее появление? Поведение?

– Я был пьян, – повторил Хэруо.

Ну да, это многое объясняло. Был пьян, хотел женщину. Возникла сама собой, заботится, зовет в гости – подарок небес, не иначе.

– Откуда вам известно, что вашего убийцу зовут Кояма

Мичайо?

– Он сам сказал. Перед тем, как наброситься на меня.

– Он находился в доме этой женщины, когда вы туда пришли?

– Да.

– Он ее муж?

– Не знаю. Вряд ли. Назвался гостем.

– Вам не кажется странным, что женщина привела вас в дом, где уже находился другой мужчина?

Хэруо обеими руками взлохматил волосы:

– Сейчас мне все кажется странным. Но вы ошибаетесь, если ждете от меня объяснений для каждой странности. Вы в чем-то меня подозреваете? Думаете, я лгу? Притворяюсь убитым? Воскресшим?!

Он вскочил:

– Если так, я вернусь к секретарю и потребую, чтобы мне предоставили другого дознавателя!

Жестом я велел ему сесть.

– Хэруо-сан, я не сомневаюсь, что с вами случилось фук-кацу. Я целиком и полностью одобряю тот факт, что вы явились с заявлением в установленный законом срок. Но я обязан выяснить все обстоятельства дела. Другой дознаватель сделает то же самое, вы только зря потратите время.

Дождавшись, пока заявитель вернется на подушку, я добавил:

– Драка из-за женщины, Хэруо-сан – в это я верю. Слу-

чайная смерть в результате потасовки – тоже верю. Подчеркиваю, случайная смерть. Но вы сказали, что убийца вас душил?

Он кивнул.

– Вы были сильным человеком? Я имею в виду, до фуккацу?

Самурай расправил плечи:

– Да!

– Задушить сильного и здорового человека, в особенности если он сопротивляется – дело нелегкое, а главное, небыстрое. Я бы понял, если бы вы налетели головой на гвоздь, торчащий из стены. Сломали бы шею при падении. Но удушье? Он душил вас, Хэруо-сан, вы вырывались, хрипели, сопротивлялись, а господин Кояма все душил вас, не догадываясь, чем дело закончится? Зная о фуккацу, о законе будды Амиды? Это обстоятельство требует самого тщательного разбирательства.

Хэруо сгорбился, став похож на старика. Кажется, до него начала доходить сложность дела, казавшегося поначалу самым простым. Незнакомка прогуливается ночью в портовом квартале, не боясь насилия или ограбления. Она приглашает к себе мужчину, тогда как в ее доме уже ждет другой мужчина. Ревность, драка, и вот – один самурай душил другого до смерти, прекрасно зная, чем рискует.

– Мы были в ярости, – пробормотал Хэруо. – Никогда в жизни я не испытывал подобной ярости. У меня не было вра-

гов, кого бы я ненавидел так, как этого Кояму. Окажись я на его месте, я бы, пожалуй, тоже не остановился перед убийством.

Ярость, отметил я. Соперничество. Ревность. Совсем мозги отшибло от похоти? Ну, допустим.

– У вас есть свидетели?

– Моей смерти? Кроме этой женщины, никого.

– Нам нужны свидетели вашей жизни. Те, в чем присутствии я мог бы задать вам ряд вопросов. Выслушав ответы, свидетели подтвердили бы, что вы – действительно Одзаки Хэруо, чиновник строительного департамента. Я бы выписал вам документ о перерождении... Кстати, при равных статусах убитого и убийцы у вас есть выбор: жить дальше как Одзаки Хэруо или взять имя и должность господина Коямы. Вы уже выбрали?

– Я останусь Одзаки Хэруо.

– Очень хорошо. Я выпишу вам грамоту на прежнее имя, после чего...

Он горько рассмеялся:

– После чего я вернусь к обычной жизни? Все забуду, а?

– После чего, – я не стал его утешать, – мы займемся самым подробным изучением обстоятельств вашей смерти. И вы станете нам в этом помогать. Полагаю, дело о вашем фуккацу заинтересует полицию.

– А если не стану? Что тогда?!

Я промолчал. Хэруо и сам все отлично понимал. Дерзость

была щитом, за которым он прятал слабость, страх и опустошенность.

– Будем считать, что мне повезло, – сдаваясь, пробормотал несчастный.

– В чем?

– Тело, – он ткнул пальцем себе в живот. – Мы ровесники. Мерзавец Кояма задушил меня, значит, он сильнее. В смысле, я теперь сильнее, чем раньше. Могло быть и хуже, правда? Когда я увидел ширму в вашем кабинете, я сразу понял, что пришел куда надо. Совпадения – знаки, которые нам посылает судьба.

– Совпадения?

– На вашей ширме, господин дознаватель, изображены журавли. Они летят по небу среди облаков. Точно такой же рисунок был на стенах дома этой женщины. Умирая, я видел не лицо убийцы, а этих журавлей. Слышал, как они кричат. Он вздохнул:

– Наверное, кровь шумела в ушах.

3

Цветок мертвеца

До Большой Западной улицы Хэруо шел вполне уверенно, что обнадеживало. И по самой Оониси – тоже. Ну, поначалу. На третьем перекрестке моя надежда начала угасать: самурай замедлил шаги и стал озираться.

По бокам тянулись дощатые изгороди с воротами – все, как на подбор, блеклых осенних тонов, под стать погоде и сезону. Из-за заборов виднелись крыши домов, но и они не радовали глаз яркостью красок. То ли дело в Правительственном квартале! Листва в садах уныло жухла на грушах и сливах: рыжая ржавчина, грязная охра, пятна темной засохшей крови. Выгляни из-за туч солнце – уверен, улица бы мигом преобразилась. Запылала бы золотом и праздничным багрянцем, радуя взгляд! Увы, сегодня небеса зябли, кутались в серое тряпье туч, спрятав солнце глубоко за пазухой.

Грелись им, должно быть.

Все вокруг намекало: холода не за горами. Еще день-другой, и грянет. Дождь медлил, раздумывал: пролиться сейчас или погодить?

– Оттуда шли... с левой на правую... – бормотал Хэруо. – Помню! С левой на правую... А вот какой переулок...

Я понимал его затруднения. Он следовал за девицей глухой ночью, будучи пьян. А потом его убили. Это, знаете ли, даром не проходит. После фуккацу большинство людей далеко не сразу приходят в себя. Некоторые – вообще никогда.

Торопить беднягу – пустое дело, вредное.

– Вроде, этот. Или следующий?

Ступая без особой уверенности, он перешел улицу, заглянул в грязный проулок. Принюхался, раздувая ноздри и шумно втягивая воздух. Мимо воли я последовал его примеру. Из проулка несло гнилыми листьями и человеческой мо-

чой. Ничего особенного, листьями в это время года пахнет отовсюду, а мочой – вообще круглый год. Но Хэруо воспрял, словно монету нашел:

– Сюда! За мной!

И нырнул в переулочек, зачавкал по грязи спотыкающимися деревянными *гэта*. Я последовал за ним. Идти довелось недолго. Свернув пару раз в боковые проходы, мы выбрались на улочку попримечнее. Пройдя по ней еще с полсотни шагов – почти до конца – Хэруо резко остановился. Еще раз втянул носом воздух:

– Здесь.

Тон его был полон сомнения.

– Вы уверены?

– Нет. Но...

– Пожалуйста, договаривайте.

– Я не узнаю дом. Но я узнаю запах.

Я принял. К обычному букету добавился новый запах. Цветов? Тления? Гнили? Не разобрать. Зато дом, у которого мы остановились, можно было рассмотреть во всех подробностях. Останки прогнившего забора – частично развалившегося, частично растащенного на доски рачительными соседями – были не в силах что-либо скрыть. Ветхая постройка ощутимо просела и покосилась. Крыша прохудилась, топорщилась вздыбившейся дранкой, как шевелюра бродяги – вихрами и колтунами. В проеме окна печально качался на ветру обрывок бамбуковых штор. Входная дверь

была распахнута и перекошена, держась лишь чудом, не иначе.

– Было темно, – вновь забормотал Хэруо. Казалось, он просит у меня прощения. – Я толком не разглядел... Но дом был целый. Жилой, ухоженный, точно вам говорю! В эту хибару я бы и не зашел... Ни за что! Вы мне верите, господин дознаватель?

– Ночь была темной. Так?

– Так.

– Вы выпили много sake. Так?

– Много, – вздохнул бедняга. – Очень.

– Вам не терпелось уединиться с девушкой. Сами же говорите: толком не разглядели. Но, возможно, это и впрямь не тот дом. Зайдем внутрь, чтобы убедиться?

С большей радостью Одзаки Хэруо кинулся бы в пасть дракона. Самурай скорчил такую гримасу, словно ему напихали полный рот речного ила. Но возразить не осмелился.

Миниатюрный сад зарос сухой травой. Плоских камней дорожки, ведущей к дому, было почти не видно под прилипшими к ним листьями. Сад, дорожка, дом – все это давно не приводили в порядок. Впрочем, по дорожке недавно ходили: я разглядел на листьях следы свежей грязи. Точь-в-точь такие, как оставляли сейчас наши сандалии.

У крыльца странный запах усилился.

– Вот! – Хэруо остановился. – Это они! Я помню их!

Он указал на кроваво-алые соцветия на длинных безлист-

ных стеблях. Цветы росли по правую руку от крыльца, похожего на насест со сломанной прогнившей доской. Без сомнения, запах шел от цветов. Я пригляделся. Из середины каждого цветка, обрамлены пламенеющими лепестками, торчали длинные изогнутые «ресницы». Они придавали цветам вид изысканный и зловещий.

Видел ли я такие раньше? Безусловно, видел. Где? Когда? Пара ударов сердца, и я вспомнил. Когда я проходил обучение у святого Иссэна, наши обычные уроки письма, счета и истории перемежались походами по окрестностям. Настоятель, который казался мне всеведущим (и сейчас порой кажется!), показывал разные травы, кусты и деревья, сообщая их названия и рассказывая о свойствах: полезных или вредоносных.

Случалось, Иссэн водил меня на кладбище, расположенное неподалеку от монастыря. Свои рассказы он продолжал и там. Наверное, даже в аду я бы слушал его с удовольствием. Святой Иссэн превращал в увлекательное повествование даже скучнейший рассказ о какой-нибудь захудалой травке, растущей на любой обочине. Что уж говорить о растениях редких, окутанных легендами?

– Это *хиганбана*. Цветок мертвеца⁴.

Хэруо отступил на шаг:

⁴ Хиганбана (красная паучья лилия) – символ осени в Японии. Другие его названия: цветок пожара, цветок мертвеца. Европейское название – ликорис. Хиганбана считается несчастливым знаком.

– Точно! Я никак не мог вспомнить.

Он вскинул руки, словно защищаясь:

– Мой отец называл его ядовитой лилией.

– Ваш отец был прав. Этот цветок ядовит.

– Лепестки? Стебель? Корень?

– Все его части.

Память у меня хорошая. Я и сейчас помнил все, что старый монах рассказывал мне о хиганбане. Впрочем, к убийствам и фуккацу эти легенды отношения не имели.

– Цветок несчастья! Его не сажают возле домов!

– И снова вы правы, Хэруо-сан. Его высаживают на кладбищах возле могил. И то, сказать по правде, нечасто. Знаете, он мог и сам вырасти. За садом давно не ухаживали, ветер занес семена... Раз вы узнали цветы, нам тем более следует войти в дом.

Крыльцо отчаянно заскрипело под нашими ногами. Я различил угрожающий треск. К счастью, доски выдержали. Уже входя, я еще раз оглянулся на заросли хиганбаны, потянул носом воздух. Запах был скорее неприятный. Как подобный аромат мог вскружить кому-то голову до умопомрачения? Заставить вспылать страстью? Вести за собой через полгорода?! Правда, к запаху прилагалась соблазнительная красота и море выпитого саке, что существенно меняло дело.

И все же, все же...

Еще одно смущало меня в этой истории. Хэруо описывал запах цветов совсем иначе. А когда святой Иссэн показывал

хиганбану мне, я вообще едва сумел уловить ее аромат. Пришлось наклониться к самым соцветиям, и то запах был другим, не таким, как сейчас. И не таким, как можно было понять из слов Хэруо.

Случай с душком, иначе не скажешь.

Глава вторая

Я иду в баню

1

«Не желаете забрать свое имущество?»

Пришла пора увидеть место преступления. Через дверной проем внутрь попадало достаточно тусклого осеннего света, чтобы изучить обстановку дома. Вернее, ее отсутствие. Коридор, голый и сумрачный, не длиннее семи шагов, заканчивался тупиком. У входа валялись брошенные сандалии.

– Это мои гэта, – потрясенно прошептал Одзаки Хэруо.

Он вытаращился на пару деревяшек, словно узрел невиданную диковину.

Слева зиял пустой проем, ведущий в комнату. От двери-перегородки осталась лишь перекошенная рамка с серыми клочьями бумаги по краям. У входа лежала вытертая, разлохмаченная циновка с прорехой по центру. В комнате виднелись ноги в толстых носках. Владелец ног лежал без движения, мало заботясь вторжением. В воздухе царил сладковатый смрад разложения, отдаленно похожий на запах хиганбаны у крыльца.

Сообразив, что толку от Хэруо, топчущегося в коридоре,

не будет, я первым шагнул в комнату. Ни утвари, ни мебели. Сырые стены, лоскуты обивочной бумаги отслоились понизу. Сквозь дыру в крыше хмурилось небо, обещало дождь. Пол под дырой совсем прогнил и провалился. По краям, ближе к стенам, он был еще крепким, хоть и громко скрипел под ногами.

Тело лежало поперек комнаты. Верхнее кимоно распахнулось на груди. Под темной тканью с белым контурным рисунком, изображавшим листья плюща, виднелось нижнее, коричневое кимоно. Штаны задрались до колен. Руки раскинуты в стороны, пальцы свела смертная судорога. Восковые черты лица отливали в синеву. Они заострились и уже начали оплывать, но лицо все еще искажали ярость и отчаяние.

Жутковатая смесь.

Рядом валялись плети. Большая размоталась, ее конец свесился в дыру. Казалось, плеть, ожив, пытается уползти подобно умирающей змее.

Я шагнул ближе, хотя и не собирался осквернять себя прикосновением к мертвецу. За два с половиной года службы я привык к виду покойников. В конце концов, переживать не о чем. Убийца получил по заслугам и отправился в ад, убитый продолжил жить в теле убийцы. Все в порядке, справедливость будды Амиды восторжествовала. Кому сочувствовать, о ком горевать? Остается лишь уточнить обстоятельства, занести в протокол и сдать дело в архив.

Обстоятельства мне были известны. Свидетели – сослу-

живцы и мать Хэруо – опрошены, личность подтверждена, грамота о фуккацу выписана и заверена у секретаря Окады. Да, теперь, дослужившись до дознавателя, я не только получал пятьдесят коку риса в год (полсотни! да я богач!) – но и имел право выносить вердикты и выдавать документы. Есть чем гордиться!

А уж как гордились мной родители! Ради одного этого стоило стараться.

Мертвец дал мне окончательное подтверждение. На шее покойника чернели следы сдавливавших горло пальцев. Удушье, Хэруо сказал правду. Одежда в беспорядке, штаны задрались, гримаса на восковом лице – все ясно свидетельствовало об отчаянном сопротивлении.

– Небеса и ад! Это же я!

Одзаки Хэруо застыл в дверях. Цветом его лицо сейчас не отличалось от лица покойника.

– Да, это ваше тело. А вы ожидали увидеть кого-то другого?

– Н-нет...

– Успокойтесь, Хэруо-сан. Все уже закончилось. Вы живы, радуйтесь.

– Д-да, я радуюсь...

– Прошу вас, сосредоточьтесь. Расскажите во всех подробностях: как выглядела та девушка, что привела вас сюда?

– Она... она...

– Вспоминайте!

Я повысил голос, стегнув Хэруо словно плетью. Самурай вздрогнул, заморгал, приходя в себя. Отвел взгляд от мертвеца, уставился в дальний угол комнаты.

– Она сидела там, когда вы набросились друг на друга?

– Да. За миг до того, как... Я ее наконец рассмотрел.

– Очень хорошо. Продолжайте.

– Лицо. Выбеленное как луна. Настоящая красавица. И родинка. Родинка на щеке.

– На левой? На правой?

Хэруо задумался.

– На левой.

– Прическа? Одежда? Фигура? Украшения?

– Волосы. Черные, как смола! Немного растрепанные. Золотые ленты.

– Вы очень наблюдательны. Дальше.

– Кимоно. Верхнее. Оно блестело перламутром! Шелковое, дорогое, на вате. С узором: листья, цветы... Нижнее кимоно белей снега. Из-под него выглядывало третье, алое. Как кровь!

Его затрясло.

– Вы многое запомнили, Хэруо-сан. В такой ситуации это подвиг. Я восхищен вашим мужеством. Можете припомнить что-то еще?

– Пояс. Темный, тоже шелковый. С золотым шитьем. Кажется, листья клена. Она его распустила. Нарочно распусти-

ла! Потому и стало видно нижнее кимоно.

– Вы очень помогли дознанию. Что-то еще?

– Нет, больше ничего.

Он виновато развел руками.

– Не беспокойтесь. Того, что вы рассказали, более чем достаточно. Я распоряжусь о похоронах для вашего тела. Не желаете забрать свое имущество?

Он вытаращился на меня так, словно я предложил ему отведать человечины. Спотыкаясь, чуть не падая, опрометью вылетел из дома. Что такого я сказал?! Я думал, он захочет взять свои плети. Деньги, еще что-то, мало ли...

Тело! Мертвое тело! Какой же я болван! Хэруо решил, что я предлагаю ему забрать его труп! Вот ведь...

Уходя, я напоследок окинул взглядом комнату. В дальнем углу, там, куда смотрел Хэруо, уцелел кусок расписных обоев: по выцветшему голубому небу летел белый журавль. На обрывке видны были голова с клювом и частью шеи, да еще фрагмент крыла. По ним нетрудно было домыслить все остальное. Такие же журавли красовались на ширме в моем кабинете.

«Совпадения – знаки, которые нам посылает судьба.»

Журавли в небе... Говорят, это к удаче? Я поглядел на мертвеца. Сомнительная удача. Но, с другой стороны, Одзакки Хэруо жив, и тело у него не хуже прежнего.

«Окажись я на его месте, я бы, пожалуй, тоже не остановился перед убийством.»

Перерожденцу повезло. Окажись он сильней своего противника, убей его – и для него все сложилось бы куда печальней. А уж мне-то как повезло! После трех месяцев нудного безделья – стоящее дело!

Да я просто любимец небес!

2

«До самой смерти помнить буду...»

Я был уверен, что Одзаки Хэруо сбежал без оглядки. Нет, он ждал меня за калиткой. Объяснения и извинения были озвучены и приняты, но вернуться в дом за плетями и кошельком Хэруо отказался наотрез.

– Пусть эти деньги пойдут на похороны! – заявил он.

– Достойное решение, – согласился я. – Что ж, больше мне вас задерживать незачем.

И отпустил перерожденца, вручив заверенную печатью грамоту о фуккацу. Напоследок пожелал всяческой удачи: ему еще мать утешать, дела на службе улаживать...

Дождавшись, когда Хэруо скроется из виду, я двинулся вдоль улицы, бесцеремонно заглядывая через низенькие, чуть выше пояса, заборы во дворы жилищ. Такое поведение выходит за рамки приличий, но мною двигало не досужее любопытство, а служебная необходимость. «Любые действия, направленные на успешное завершение дознания, являются уместными, если только они не нарушают закон,» –

втолковывал мне архивариус Фудо. Он был прав, но в первый год службы я все равно стыдился, когда приходилось глазеть через ограду и колотить в ворота в поисках свидетелей. Знал, что все делаю правильно, что в этом нет ничего постыдного, а все равно неловко было.

Ничего, привык.

Сейчас я намеревался выяснить, кому принадлежит развалюха с покойником. И, если повезет – кто эта красавица, что зазывает в гости со смертельным исходом?

– Хозяева! Есть кто дома?!

Срывая глотку, я пожалел, что со мной нет слуги. После того, как Мигеру обрел лицо в смерти, я ждал, что меня вот-вот позовут выбрать себе нового безликого. Ну, может, не сразу, но через месяц наверняка. Заживут окончательно раны – и тогда... Ладно, через два месяца. Через три?

Четыре? Полгода?!

Время шло, а выбора мне не предлагали. Набравшись смелости (*дерзости?*), я отважился спросить об этом старшего дознавателя Сэки. И получил вполне благосклонный – против ожидания – ответ: «На дне терпения находится небо».

Больше я эту тему не поднимал, обходясь без слуги. Протоколы дознаний вел сам – что очень замедляло дело – либо поручал запись писцу из канцелярии, если находил свободного. Где ты, Мигеру, с твоими варварскими перьями вместо кистей? Под конец у тебя уже получалось весьма неплохо. Еще бы немножко времени...

Сегодня слуга пришелся бы как нельзя кстати. Вряд ли кто-то отважится ограбить мертвеца в доме, рискуя осквернить себя. И все же следовало отправить гонца с запиской в управу, чтобы сообщили кому следует, забрали тело и организовали похороны. Увы, слуги у меня на посылках нет, и письменных принадлежностей тоже нет, так что покойнику придется подождать.

– Эй, хозяйева! Есть кто дома?!

Вымерли они, что ли? Всей улицей?! Может, тут в каждом доме по трупу? Нет, чую: живы. Тишина вокруг напряженная, аж звенит. Кто-то, конечно, по делам ушел, а остальные попрятались, затаились. Выжидают, пока незванный гость уберется прочь. Углядели двух самураев, попрятались. Самураи, значит, чиновники, а в трущобах от чиновников не жди добра. Сидят тише мыши...

Хотя казалось бы, чего им нашей службы бояться? Не полиция, не налоговая управа. Убудет от них, что ли, на пару вопросов ответить? Знаю, знаю, для горожан победнее все чиновники одинаковы. Держись подальше, держи рот на замке. Кто там станет разбирать, из какой ты управы? Это я так, пар выпускаю: накипело!

– Эй, хозяйева!..

Нет ответа.

Тоскливо поскрипывает незапертая калитка. Ветер шелестит палой листвой, гоняет ее по дворам. Никого нет дома? По всей улице? Нет, не обманете! Я упорный. Дома хоть и

бедные, но жилые, сразу видно.

Ну вот, наконец-то!

Старуха в живописных лохмотьях сидела на колоде у ворот и курила трубку. Точно такой же трубкой пользовался мой отец: черенок из бамбука, а мундштук и чашечка из меди.

– Доброго вам здоровья, обаа-сан⁵!

– Да, здорова!

– Ну и славно!

– Здорова я! Не дождетесь!

Бабка глуховата. Приняли к сведению, говорим погромче.

– Вот и будьте здоровы еще сто лет!

– Нет, не сто еще. Три годка до ста осталось. Или четыре?

Запамятовала...

– Подскажите, какая это улица?

Старуха скрылась в облаке сизого дыма. Из недр облака донеслось хриплое:

– Улица? Там она, улица-то. Там!

Ветром дым повлекло ко мне, я закашлялся. Ничего себе! Мой отец тоже курил крепкий табак, но это зелье было способно отравить дракона. Ну да, табак недешев, а старуха бедна. Хотел бы я знать, что она добавляет в свою адскую смесь.

Нет, не хотел бы. Меньше знаешь, крепче спишь.

– Там! Оониси!

⁵ Обаа-сан – бабушка; обращение к пожилой женщине.

– Нет, обаа-сан, не та! Эта улица.

Я заорал на весь квартал:

– Эта! На которой мы сейчас!

И для наглядности показал руками.

– Как она называется?!

– Так бы сразу и спросили!

Облако рассеялось. Морщинистый лик моей собеседницы расколола трещина улыбки, явив на свет крепкие желтые зубы. Местами зубов не доставало, но для почтенной женщины и это было сказочным достижением.

– А нету у нас названия! – завопила в ответ старуха.

Ответ меня не обескуражил: этого следовало ожидать. Безымянных улиц в Акаеме три четверти, если не больше. Ладно, от Большой Западной тут недалеко. Дорогу я помню, в управе нарисую, как пройти, чтобы забрать покойника.

– Кто у вас в предпоследнем доме живет?

– Ась?

– В предпоследнем! По этой стороне! По правой!

Я тыкал пальцем в дом с покойником. Думаете, помогло?

– Справа? Цутому-кровельщик живет. Дочка его, Акико, мне вчера пирожков принесла, умница! Вы не женаты, господин? Молодой вы, счастья своего не понимаете. Вот такую жену вам и надо! Работящая, добрая, а что рябая да хромает, так это... О чем бишь я?

– Не здесь, обаа-сан! Дальше! В конце улицы!

– Ну да, в торце...

– Второй дом по правой стороне! Кто там живет?

– Это вы про Хромого Шинджи, что ли? У которого весь сад ежевикой зарос? На что вам этот бездельник? Только и делает, что саке хлещет да песни орет! Где и деньги берет, прохвост? Я вам вот что скажу, молодой господин... О чем я, а?

Никакой ежевики в саду дома, которым я интересовался, не было. Значит, речь снова о другом доме. Стоп! Если старуха запомнила ежевику...

– А дом, где у крыльца хиганбана растет, знаете?

– Это где лисий цвет⁶? Второй с краю? Так бы сразу и сказали! Юко там живет. Давно ее не видала, вертихвостку... На что она вам, а? Вы на Акико женитесь, поняли? Кто же берет за себя банщицу?

– Банщица, говорите?

– Ась? Чего?

– Юко – она банщица?!

– Я и говорю, вертихвостка, как есть вертихвостка! Я в ейной бане не была, врать не стану. Там и мост такой, что все ноги переломаешь, пока перейдешь. И баня такая, и банщицы, и ходят туда одни... одни... О чем я?

– Баня! Юко! Баня у моста? Какой это мост?!

– Так вам мост нужен? Где баня? Так бы сразу и сказали! Вороньим его кличут, мост-то... Большим Вороньим, вот! Думали, я не вспомню? А я все помню, все! Я и вас запомню,

⁶ Лисий цвет – еще одно из названий хиганбаны.

до самой смерти помнить буду...

Прозвучало зловеще, я даже вздрогнул.

– Зачем вам этот мост, молодой господин? Нечего там делать приличным людям! И ноги целее будут, и шея. Вам бы лучше... О чем это я?

– Спасибо, обаа-сан! Вы мне очень помогли!

– Да я завсегда... Куда вы, господин?

Я обернулся. Старуха, привстав с колоды, протягивала мне свою курительную трубку. Ужас объял меня, колени подкосились. Стало ясно, кем была старуха в молодости, а может, и по сей день. «Влекомые течением», они же «стебли тростника», а если по-простому, то гулящие девицы из кварталов любви, так предлагали себя прохожим – закуривали и протягивали трубку клиенту. Если тот брал подношение и делал затяжку, это означало согласие.

3

«Случайностей не бывает»

– Третий случай, – сказал архивариус Фудо.

Ну как сказал – просвистел. К писклявому голосу архивариуса, которым Фудо обзавелся в результате давней стычки, в управе давно привыкли. А если не в управе, и если кто-то не привык, так насмешник сперва внимательно смотрел на архивариуса, бумажного червя, способного голыми руками задушить тигра, а потом быстро шел прочь, дожевывая

непроизнесенную шутку.

– Третий? – не понял Сэки Осаму.

Мы сидели в кабинете старшего дознавателя. Ели лапшу с креветками. Сперва я счел это высочайшей честью: сам господин Сэки приглашает меня отобедать! Увидев архивариуса и секретаря Окаду, я вспомнил, что старший дознаватель ничего не делает просто так – и высочайшая честь вдруг стала дурно пахнуть.

Зато лапша пахла восхитительно. Когда разносчик, кланяясь, внес короб с едой, доставленной из лапшичной дядюшки Ючи, я чуть слюной не захлебнулся. Было и саке, но мне налили на донышке.

– Третий, если считать с прошлой осени, – уточнил Фудо. Перестав жевать, все ждали продолжения.

– Красотка встречает на улице пьяного самурая. Дело происходит после заката. Они незнакомы, вспыхивает страсть, – архивариус тоненько хохотнул. – Избегая встречи со стражей, красотка ведет самурая к себе. Увы, там уже сидит другой гость в ожидании неземных наслаждений. Ярость, ревность, драка. Убийство. В течение трех дней, как полагается по закону, убитый в теле убийцы является в управу и делает заявление о фуккацу. Оба заявителя отмечали, что и они, и их противники были разгневаны сверх всякой меры, потому и не убереглись. Дело обычное, в дополнительной проверке не нуждается. Личность подтверждена, выписывается документ о перерождении...

– Значит, дом заброшен? – обратился ко мне господин Сэки.

Я кивнул.

– А раньше там жила какая-то банщица?

Я кивнул еще раз. И гаркнул, вспомнив о том, кто здесь начальник:

– Да, Сэки-сан!

Надо же такому случиться! Из рта у меня вылетела креветка. Описав дугу, она шлепнулась под стену, украшенную изображением карпа, плывущего против течения. Хорошо хоть ни в кого не попала! Тройной смех был мне наградой: дружелюбный у Фудо, осторожный у секретаря и укоризненный у господина Сэки.

– Креветки тоже иногда рвутся в драконы, – остроумие старшего дознавателя задушило веселье на корню. Было ясно, кто здесь эта самонадеянная креветка, и ладно еще, что не лапша. – Фудо-сан, места проживания первых двух женщин были установлены? Или это одна и та же красotka? Один и тот же дом?

Архиварус разлил sake в пустые чашки. Мне, опять же, чисто для вида. Ну и пусть! Не больно-то хотелось.

– Кажется, в архиве сведений об этих жилищах не сохранилось. Увы, Сэки-сан. Я подозреваю, что проверка не проводилась. Или проводилась, но результат не был подан в письменном виде.

Брови Сэки Осаму сошлись на переносице:

– Кто проводил дознание?

– В обоих случаях – господин Абэ.

Футо вздохнул и уточнил:

– Покойный господин Абэ.

Дознаватель Абэ скончался в конце зимы. Я не был с ним близко знаком, да и никто, по-моему, не был. Сухой, замкнутый человек, Абэ держался особняком. В памяти остался только его кашель – сперва ты слышал этот кашель, а потом уже видел, как из-за поворота коридора выходит дознаватель: бледный как призрак, а на щеках цветут розы болезненного румянца. Шептались, что зимы он не переживет, так и случилось. Деньги на погребальные обряды Сэки Осаму выделил из средств управы, что само по себе было делом невероятным. Семью Абэ не без оснований считали состоятельной, в пожертвованиях они не нуждались. Вдова отказывалась, но старший дознаватель настоял. Кажется, он с большим уважением относился к покойному сослуживцу.

Обряды провел лично Иссэн Содзю, настоятель храма Вакайкуса, и это тоже говорило о значительности усопшего.

Многие не пережили зиму: лютую, морозную, ветреную. Холод убивал человека за человеком, собирая урожай мертвецов прямо на улицах. Трупожоги с ног сбились, стаскивая окоченевшие, твердые как бревна тела для костра. По большей части умирали дети; наш дом беда тоже не обошла. Скончался мой маленький брат Мигеру: захворал и сгорел в три дня. «Хорошее имя, – помнится, сказал настоятель Исс-

эн, когда я назвал ему имя ребенка. – Сильное.» И спросил: «Вы будете его менять в день совершеннолетия?» Я тогда ответил: «Мы оставим это имя как взрослое.» Я не знал, что до взрослого имени Мигеру-второй не доживет.

Я потерял их обоих: слугу, которому был обязан жизнью, и брата, которого едва успел узнать. Родители мои перенесли утрату со сдержанностью, достойной семьи самурая. Но я слышал ночами, как отец стонет во сне, а может, не во сне, выказывая унижительную слабость. Матушка, напротив, вела себя так, словно ничего не случилось. Я старался не встречаться с ней взглядами, понимая, чего ей стоит держать глаза сухими и хлопотать по хозяйству, делая вид, что от позднего ребенка не осталось даже воспоминаний. Таким поведением матушка старалась поддержать отца, хорошо зная, кто на самом деле прячется под личиной ее мужа, человека сурового и молчаливого.

Она старалась, но получалось плохо.

Верно сказано: «Муж с женой должны быть подобны руке и глазам: когда руке больно – глаза плачут, а когда глаза плачут – руки вытирают слезы.»

– Значит, Абэ, – голос Сэки Осаму прервал мои грустные мысли. – Окада-сан, не подскажете ли: во время тех расследований господин Абэ встречался с настоятелем Иссэном? Фудо-сан, вас я тоже спрашиваю.

Хватит, велел я себе. Горе, как рваное платье, надо оставлять дома.

– Кажется, да, – откликнулся секретарь.

– Да, – согласился Фудо. – Он говорил мне о намерении посетить Вакаикуса. Но я не знаю, связано ли это с теми фукацу.

Окада кивнул:

– И я не знаю.

– Третий случай, – задумчиво произнес старший дознаватель. – Первыми двумя занимался Абэ. Он мертв. И вот теперь вы, Окада-сан, послали третьего перерожденца к дознавателю Рэйдэну. Случайность?

– Случайность, – подтвердил Окада. – Совпадение.

– Случайностей не бывает, – возразил архивариус. – Совпадения – знаки, которые нам посылает судьба. Не так ли, Сэки-сан?

Я вздрогнул. Ледяные мурашки посыпались по спине от затылка до копчика. Только что Фудо повторил слова Одзаки Хэруо, человека, задушенного в доме, где никто не жил уже второй год.

– Выпьем, – предложил господин Сэки.

Объявить, за что мы пьем, он и не подумал.

Мы подняли чашки, держа их церемонно, обеими руками. Старший дознаватель, архивариус, секретарь – они смотрели на меня поверх своих чашек. Их взгляды... Не знаю почему, но мне вспомнились погребальные обряды. Чахоточный Абэ умер зимой, но осень – тоже удачное время для кончины. Если что, вряд ли Сэки Осаму выделит для моего погребения.

ния средства из казны.

Точно не выделит: кто я такой?

4

«А что, господин? И ничего особенного!»

Старуха не солгала: баня действительно располагалась близ Ятагарасубаси – Большого Вороньего моста. Столбы в начале и конце моста были украшены изображениями трехлапого ворона – небесного проводника, посланного к императору Дзимму с целью даровать владыке победу. Случилось это давно и, разумеется, не в наших краях, но всякий раз, шагая по мосту, я чувствовал, что тоже имею какое-то отношение к возвышенной старине.

Глупости, конечно.

Мост часто ремонтировали, еще чаще ремонт шел на-смарку, требуя нового. Чтобы ходить здесь с удобством, и впрямь надо было иметь три ноги, как у Большого Ворона. Пальцы тоже не повредят – держаться за перила.

Крыша бани, сделанная в китайском стиле, с высоким коньком и гнутыми карнизами, виднелась издалека. Это была совместная баня, для мужчин и женщин. Поговаривали, что к вечеру баня превращается в «мыльную страну», заведение особого рода, где молодые банщицы перед тем, как вступить с клиентом в плотскую связь, тщательно моют его горячей водой и растирают мочалкой.

Совместные бани с завидным постоянством запрещались указами сёгуна и распоряжениями правительства. Это случалось даже чаще, чем ремонт моста Ятагарасубаси. В народе такие указы звали «запретами на три дня». Имелось в виду, что первые три дня указ соблюдался со всей возможной строгостью, а на четвертый день местный чиновник, ведающий надзором за банями, получал «щегла в рукаве», то есть взятку – и все начинало работать, как раньше.

Мы с отцом ходили в баню подешевле, раздельную. Чтобы пар оставался в помещении, там не было окон, а входная дверь напоминала собачий лаз. Войти в эту дверь мы могли лишь согнувшись в три погибели, а войдя, справлялись с мытьем сами, без услуг банщиков.

Дверь бани у Вороньего моста – вернее, дверной проем, закрытый голубой занавеской – была выше моего роста. Над ней, прибитая к шесту, торчащему из стены, висела табличка с изображением лука и стрелы – иносказательно это значило «залезть в горячую воду». Слева от двери пара бамбуковых жердей отгораживала место наблюдателя. Отец рассказывал, когда-то тут сидел священник, молясь за посетителей, а теперь здесь просто взимали плату за вход. Сейчас место наблюдателя пустовало, но рядом стоял голый по пояс уборщик: отлынивал от работы, мерзавец, глазел на прохожих.

– Эй, ты! – я ухватил его за плечо. – Приведи сюда хозяйина!

– Да на что вам хозяин, господин? – он ловко вывернулся,

осклабился во весь щербатый рот. – Идемте, я вас проведу. Все сделаем в лучшем виде! Личный ящик для обуви и ценностей, под ключ...

Судя по гримасам уборщика, я бы поостерегся оставлять здесь ценности.

– Торюмон Рэйден, служба Карпа-и-Дракона! – рявкнул я так, что и Сэки Осаму бы обзавидовался. – Живо за хозяином, бездельник! Или устроить тебе головомойку?

Уборщик растворился так, словно был стружкой пара на ветру. Хозяин возник так, словно был голодным духом, а я – вкуснейшей из жертв.

– Господин, господин! – плотный, кругленький, он прыгал вокруг меня как мячик. – Клянусь, я ее установил! Можете проверить!

– Кого? – опешил я.

– Перегородку!

– Какую еще перегородку?

– Между женской и мужской половинами! Дощатую перегородку, вот такую – он показал рукой высоту злосчастной перегородки. – Все...

– В лучшем виде?

– В лучшем, господин, в наилучшем! Ради сохранения общественной морали! И вот, не побрезгуйте...

Из рукава хозяина выпорхнула связка монет. Не успел я опомниться, как «щегол» нырнул мне за пазуху и свил там уютное гнездышко. Похоже, уборщик забыл сказать хозяину

про службу Карпа-и-Дракона, вот меня и приняли за очередного проверяющего. Можно было не сомневаться, что если я войду, то увижу, как в бане спешно воздвигают указанную перегородку. А когда я уйду, она исчезнет без следа.

– Хорошо, – я с важностью кивнул, не спеша разуверить хозяина в оценке моей личности. – Общественная мораль прежде всего. А теперь пришли ко мне банщицу Юко. Или нет, сперва расскажи мне о ней. А потом гони ее ко мне, понял?

Не знаю, что он там понял, но глаза хозяина вылезли из орбит:

– Прислать, господин?

– Да.

– К вам, господин?

– Да.

– Сюда, господин?

– Да, болван!

Я начал терять терпение.

– Как же я ее пришлю, господин, – хозяин вжал голову в плечи, – если она мертвая?

– Мертвая, – подтвердил уборщик, высовываясь из-за дверной занавески. – Верьте моему слову...

Хозяин часто-часто закивал:

– Это вам к святому какому-нибудь, господин, или к провидице. Говорят, есть такие, в кого духи мертвецов вселяются. Она вселится, согреет воды, намылит вас, помоем...

– Намылит? За кого ты меня принимаешь?

– А что, господин? И ничего особенного! Одному живую банщицу подавай, другому мертвую. Изысканный вкус, тонкие манеры...

– Когда она умерла?

Я ждал ответа «на днях» или чего-нибудь в этом роде. Вместо этого брови хозяина поползли на лоб:

– Да уж больше года. Вот я и удивился, что вы ее спрашиваете...

Больше года. «Третий случай, – свистит флейтой голос архивариуса Фудо. – Третий, если считать с прошлой осени...» Смерть банщицы. Зброшенное жилище. Покойник в доме. Фукацу на почве ревности. «Мы были в ярости. Никогда в жизни я не испытывал подобной ярости.» Могильные цветы у крыльца. «Одному живую банщицу подавай, другому мертвую...»

Мурашки по спине. Кажется, я начинаю к ним привыкать.

* * *

После ужасных событий позапрошлой весны, когда в деревне под названием Фукугахам я лицом к лицу столкнулся с отвратительным чудом – *дозволенной* насильственной смертью; когда закон будды Амиды на моих глазах уступил место иному, неведомому мне закону; когда я видел, как отнимают жизнь, и отнимал ее сам, не рискуя отправиться в

ад, уступив свое тело убитому; когда я сражался стальным мечом, будто воин кровавого прошлого...

Самонадеянный глупец, я думал, что все повидал, все испытал. Чем меня теперь можно обескуражить? Сойди на землю будда Амида, я и глазом не моргну. Какое-то время после битвы при Фукугахаме я пребывал в сладкой уверенности, что сёгун вызовет меня в столицу. Приблизит, даст чин, облагодетельствует. «Рэйдэн-сан, – сказал великий господин Ода Кацунага, стоя над телами убитых, – мне интересно ваше мнение.» Сёгуну интересно мое мнение? Вне сомнений, это начало восхождения на вершину славы!

Время шло. Я ждал. Ждали мои отец и мать, знакомые и сослуживцы. Посыльного из столицы, отправленного по душу Торюмона Рэйдена, ждала, наверное, вся Акаяма, за исключением двух человек: старшего дознавателя Сэки Осаму и настоятеля Иссэна. Сперва я удивлялся такой их недалёковидности, но вскоре удивление закончилось, и ожидание закончилось, верней, превратилось в болезненную зудящую занозу. Не выдержав, я отправился за ответами к настоятелю – обратиться к начальству я не рискнул, зная всю меру доброжелательности господина Сэки.

Почему, спросил я старого монаха. Почему? Сёгун забыл обо мне? Я недостойн высочайшей милости? Я чем-то провинился? По какой причине мои заслуги не оценены в должной мере?!

«Вы ни в чем не виноваты, Рэйдэн-сан, – с грустной улыб-

кой ответил святой Иссэн. – Ваши заслуги велики, вы достойны возвышения. Не думаю, что о вас забыли. О вас помнят, именно поэтому вы останетесь в Акаяме. Не ждите приглашения в столицу, его не будет.»

Но почему, возопил я. Что за напасть?!

«Вы имели несчастье видеть сёгуна в минуты его слабости. Видели его бегущим, видели осажденным. Слышали требования, выдвинутые дерзкими мятежниками покорителю варваров. Были свидетелем покушения на священную особу. Этого не прощают, Рэйдэн-сан. Если даже сам сёгун по молодости не придавал этому значения, если он и намеревался послать за вами...»

Я внимал, затаив дыхание.

«Новый первый министр, господин Танидзаки, очень умен. Добавлю, что он еще и очень предусмотрителен. Ваше присутствие при дворе будет все время напоминать сёгуну о минутах слабости, помянутых мной. А главное, вы будете напоминать князьям и военачальникам, что сёгун – тоже человек. Одно покушение провалилось? Другое может увенчаться успехом. Третье, пятое, какое-нибудь. Фуккацу? О, желающие изыщут способ! Такое напоминание – уже вина, даже если вы не произнесете ни слова. В итоге первому министру придется убрать вас подальше любым доступным ему способом – например, обвинить в государственном преступлении и велеть вам покончить с собой. Вас также могут сослать на остров Девяти Смертей, с глаз долой. Первый ми-

нистр благоволит к вам...»

Благоволит? Ход мыслей старика был мне недоступен.

«Конечно же, благоволит. Оставив вас в Акаеме, отвернув сёгуна от идеи вызвать вас ко двору, господин Танидзаки спасает вас от злой участи. Я бы на вашем месте молился за благополучие и долголетие первого министра. Я уверен, что все высказанные мной соображения господин Танидзаки не стал излагать сёгуну. Великий господин Кацунага обидчив и злопамятен. Сообразив, чему вы были свидетелем, сёгун из вашего покровителя легко бы стал вашим заклятым врагом. А у вас нет ни сил, ни возможностей, ни, извините, хитрости, чтобы биться с такими врагами...»

Это был отменный урок. С тех пор раз в месяц я возносил мольбы богам о благополучии и долголетию первого министра. А еще я радовался, что не полез спрашивать Сэки Осаму о гонцах из столицы. То, что монах высказал мне со всей возможной деликатностью, господин Сэки высказал бы совсем иначе, не щадя моей гордости и точно обозначив уровень умственных способностей дознавателя Рэйдена.

Гонца из столицы, если тот вдруг все-таки объявится, я теперь ждал со страхом, осознавая груз последствий. Гонец не явился, страх исчез. Я даже решил, что разучился бояться, став наконец истинным самураем. И вот страх вернулся.

«Как же я ее пришлю, господин, если она мертвая?»

В Фукугахаме я покинул Чистую Землю, вступив на территорию иного закона, древнего и вечно голодного. И вот

сейчас я, кажется, вновь сделал шаг на территорию, чьи законы – тайна, опасность, ужас.

* * *

– Отчего умерла банщица Юко? Болезнь? Несчастный случай?

Хозяин наклонился ко мне, словно доверяя некий секрет:

– Покончила с собой, господин.

– По какой причине?

– Позор, господин. Не могла вынести.

– Рассказывай, – велел я.

Глава третья

Журавлиный Клин

1

Бабочка «мыльной страны»

У всех банщиц были особые клиенты.

Кояма Имори, смотритель зонтика при князе Сакамото, считался в Акаяме первым красавцем. Юноша в самой поре, он представлял из себя предмет воздыханий всех женщин города, да и кое-кого из мужчин, если по правде. Изящный, гибкий, с правильными чертами лица, образчик манер и воплощение благородства – говорили, что вечерами его кожа светится, а дыхание полнится ароматом лилий в любое время дня.

Кто бы спорил!

Когда Кояма Имори в первый раз посетил баню близ Большого Вороньего моста и отдался в ласковые руки Юко, день выдался пасмурным, но для господина Имори взошло солнце. С этого момента господин Имори зачастил в баню, как если бы трудился землекопом и ежедневно возился в грязи. Первые шесть визитов он щедро платил Юко за ее услуги, но потом явился грустный, долго молчал – и признался, что

не в состоянии более оплачивать нежность и заботу молодой банщицы. Жалованье смотрителя зонтика скудное, Имори и так уже продал черепаховый гребень и две заколки, доставшиеся ему в наследство от покойной матушки, чтобы порадовать Юко подарками в предыдущие разы.

В таком случае, ответила Юко, прошу вас больше не приходить.

Господин Имори прочел стихи:

– Ах, для меня любовь – не горная тропинка
В местах, не познанных доселе мной,
И все равно,
Какой полно тоской
Мое блуждающее сердце!

Стихи, надо заметить, принадлежали не господину Имори, но вряд ли банщица была в состоянии определить их авторство на слух.

«Разве наши чувства только сделка? – добавил он. – Отчего бы нам не продолжить встречи вне банных стен? Я не могу встречаться с тобой у себя дома, этого не позволят ни мой престарелый родитель, ни старший брат, который заправляет всем в нашей усадьбе. Но я слышал, что твою семью унес черный мор, оставив тебе в наследство вполне уютное гнездышко. Убоишься ли ты пересудов соседей, если наша страсть пылает ярче огня?!»

Прошу вас больше не приходить ко мне, повторила Юко.

Ни в баню, ни домой, если даже у вас и были такие намерения.

Три дня спустя из дома банщицы стал нестись дурной запах. Бездыханное тело Юко обнаружили соседи: девушка лежала с перерезанным горлом, кровь на циновках успела засохнуть. Над Юко, пируя, кружились тучи мух. Хорошо еще, что труп не объели собаки, пробравшись в жилище. Нож, которым Юко лишила себя жизни, принадлежал господину Имори – изящная безделушка оказалась достаточно острой для самоубийства.

Никому не пришло в голову обвинить Кояму Имори в убийстве банщицы. Все знали, что случись так, и прекрасное тело господина Имори в течение трех дней явилось бы в управу службы Карпа-и-Дракона с целью доложить о фуккацу. Проверка не заняла бы много времени, и душа Юко продолжила бы жить-поживать, облекшись в плоть молодого самурая и заполучив должность смотрителя княжеского зонтика. Воистину подарок судьбы, восхитительная карьера для бабочки из «мыльной страны»!

Суть дела прояснила записка, оставленная бедняжкой Юко. Будучи грамотной, банщица выказала также удивительную предусмотрительность, положив записку на видном месте, чтобы нашли непременно. В своей смерти Юко винила Кояму Имори, упрекала его за бессердечие и отмечала жестокий нрав.

«Явившись ко мне, – писала Юко, – господин Имори

подверг меня самому гнусному насилию, не пощадив моей скромности и пренебрегая мольбами беззащитной женщины. Ножом, которым я пресекла нить своей жизни, он угрожал мне, добиваясь покорности. Утолив свои постыдные желания и насытившись моим телом, господин Имори забыл нож на полу комнаты. Не имея другой возможности отомстить насильнику, я свожу счеты с жизнью. Мой позор да ляжет на его плечи! Мое несчастье да преследует его в мире живых, а также после смерти господина Имори во веки вечные! Такой подлый человек способен на все: предать друга, изменить господину, отказаться от сыновнего долга.»

Тело банщицы, даже не подумав бросить его в очистительный огонь, зарыли на старом кладбище Куренкусаби. Здесь уже давно не случалось похорон, да и это погребение вряд ли можно было назвать честными похоронами. Погребальных обрядов не было – во-первых, кто станет молиться за душу опозоренной самоубийцы, ублажавшей намыленных похотливцев, а во-вторых, кто станет это делать бесплатно? Юко не позаботилась оставить денег, чтобы оплатить труды священников.

Тем бы дело и кончилось, но записка стала достоянием гласности.

Произнеси Юко свои обвинения при жизни – вряд ли бы они имели такой вес, какой получили после смерти девушки. Казалось, мертвое тело висит грузом, отягощающим обстоятельством на каждом слове. Насильник? Ненасытный мер-

завец, кому не хватило всеобщей любви, если он решил вдобавок взять любовь без спросу?!

Пошли разговоры. На улице горожане плевали господину Имори вслед. Женщины бросали в него камнями и гнилыми овощами. Дети заголяли грязные зады и поворачивались к Имори спиной, демонстрируя презрение. Не снеся осуждения, старший брат выгнал юношу из дому, строго-настрого запретив возвращаться. Красавчик сунулся было к друзьям, но друзья отвернулись от насильника. Князь Сакамото лишил Имори должности смотрителя зонтика, а потом и вовсе изгнал со службы.

«Я бы отдал вам распоряжение покончить с собой, – писал князь в послании, которое передал со слугой, – но глубоко убежден, что у такого негодного человека, как вы, не хватит духу на поступок самурая. Убирайтесь из Акаямы, это лучшее, что вы можете сделать.»

Так и случилось: Кояма Имори оставил город. Одни утверждали, что видели его на Западной дороге, переодетого бродячим торговцем, другие возражали, что *ронин*⁷ ушел на восток, в горы, желая предаться очистительному созерцанию; третьи лично сидели на веслах в той рыбацкой лодке, на борту которой Имори оставил остров Госю. Так или иначе, в Акаяме насильника больше никто не видел.

Век сплетен короток. Вскоре все забыли о банщице Юко и самурае Имори, сменив тему пересудов. Сочини настоятель

⁷ Самурай без хозяина.

Иссэн пьесу для театра, опиши любовь, смерть и изгнание в чеканных строках – и восторг зрителей увековечил бы эту историю. А так, без пьесы – о чем тут помнить?

* * *

– Где ты, говоришь, ее зарыли?

– На Куренкусаби, господин.

Журавлиный Клин, отметил я название кладбища. Память услужливо подбросила клочок расписных обоев, сохранившийся на стене жилища бедняжки Юко: белый журавль на голубом небе.

«Совпадения, – вспомнил я, – знаки, которые нам посылает судьба.»

Слушая рассказ хозяина бани, я чувствовал себя легендарным императором Дзимму, заплутавшим в трех соснах, а самого хозяина представлял трехлапым вороном-проводником. Не могу сказать, что ворон вывел меня к победе – скорее завел в самую глухомань.

– А помыться? – с изумлением горланил он мне в спину, когда я, не говоря больше ни слова, направился прочь. – Размять усталые члены? У нас такие мастерицы есть, куда там покойной Юко...

Похоже, он считал, что после рассказа о живых и мертвых господин проверяющий просто вспыхнет от желания посетить баню. Рухнет в горячую воду, отдаст себя в руки бан-

щиц. Господин проверяющий? А кто же еще, раз «щегла» принял, не побрезговал...

2

Две половинки безграничного

Мысли жужжали в голове роем назойливых мух. Мысли, догадки, версии. «Рано! – хлопал я их мухобойкой рассудительности. – Слишком мало сведений!» Нельзя плести *кагомэ*⁸, пока не собрал все прутья. В моей вязанке еще и половины прутьев нет.

Иди, собирай!

Конечно же, я занялся этим немедленно и с радостью. Давно мне не попадалось столь заковыристого дела! Ну не счастливчик ли я?!

– Покойника проглотила большая рыба? – приподнял брови секретарь Окада, рассматривая мой торопливый рисунок.

– Какая еще рыба?!

– Вот, сами полюбуйтесь.

Я взглянул на рисунок, где изобразил путь к дому с мертвым телом. Изгибы Оониси и безымянной улочки складывались в отчетливый «рыбий» контур. Косая черта переулка – рот, отмеченный дом – глаз.

⁸ Кагомэ – традиционный японский узор плетения бамбука. Название состоит из слов *каго* (корзина) и *мэ* (глаз), последнее относится к отверстиям в бамбуковой корзине.

– Прошу прощения, Окада-сан! Это случайно вышло.
Губы секретаря тронула тонкая, едва заметная улыбка.

– Напишите пояснения к вашей рыбе, Рэйдэн-сан. *Эта*⁹ неграмотны, но с трупожогами будет монах из обители Канкуден. Он проведет погребальные обряды.

– Да, разумеется! Сейчас я все напишу.

– Вы ведь пришли не только за этим? – вкрадчиво поинтересовался секретарь, когда с делом было покончено.

Возникнув как по волшебству, посыльный убежал с моей запиской в обитель. Интересно, где Окада их прячет? Только подаст знак – и посыльный тут как тут! Чудеса, да и только.

– Вы совершенно правы, Окада-сан. Помните разговор у господина Сэки? Фудо-сан сказал, что было два похожих случая с прошлой осени. Мой нынешний – третий. Надеюсь, о прошлых фуккацу сохранились какие-то записи? Имена? Места службы перерожденцев?

Улыбка секретаря сделалась шире:

– Можете поздравить меня, Рэйдэн-сан.

– От души поздравляю вас! Но с чем, позвольте узнать?

– Я выиграл спор. Благодаря вам, между прочим!

– Благодаря мне?!

– Фудо утверждал, что вы явитесь с этим запросом завтра. Я был уверен, что это случится уже сегодня. Как видите, я оказался прав. Ваша расторопность делает вам честь,

⁹ Эта – неприкасаемые, чья жизнь и работа связаны с грязью и смертью: мясники, кожевенники, мусорщики, уборщики нечистот, собиратели трупов.

Рэйдэн-сан.

– Спасибо, Окада-сан! Но что насчет имен?

– Мы с Фудо все подготовили. Вот выписки из дел.

– Тысяча благодарностей! Ваша предусмотрительность не имеет границ!

– Вы мне льстите. Не имеет границ, надо же! Это слишком много для скромного секретаря. Но если разделить пополам с архивариусом Фудо, будет в самый раз. Как думаете?

Я почесал в затылке. Если что-то не имеет границ, и его разделить пополам... Что получится? Одна граница точно появится – там, где разделили. И выйдут две половинки: каждая с границей с одной стороны и безграничная по всем остальным.

Может ли что-то быть безграничным наполовину?!

– Думаю, что мне следует также поблагодарить архивариуса Фудо, – вывернулся я, опасаясь философского спора.

В кабинете я наскоро просмотрел полученные от Окады свитки. Имена, места жительства и службы, даты, краткие обстоятельства дел. Разнообразием обстоятельства не отличались. Море выпитого sake, вечер, улица, девица-соблазнительница, другой самурай, ждущий у нее дома. Яростный поединок, убийство, фуккацу. Для себя я отметил, что оба раза ждавший самурай убивал вновь пришедшего. В третьем случае с Одзаки Хэруо произошло то же самое. О чем это говорит? Еще не знаю, но закономерность видна отчетливо. Отложим на будущее – пригодится.

Итак, кто у нас первый?

3

«Если это в интересах дознания...»

– Сакаи Рокеро?

– Да.

– Кто вы и по какому делу он вам понадобился?

Можно подумать, мысленно сказал я собеседнику, ты не разглядел на моей одежде знаки Карпа-и-Дракона. Ага, как же!

Секретарь был облачен во все черное. Щуплый, угловатый, он походил на сверчка, выглядывающего из клетки. Узкое окошко кабинета лишь усиливало впечатление. Таких сверчков берут в постель, чтобы насладиться их пением. Но случается, что в клетках держат и боевых сверчков, которых стравливают на потеху зрителям.

В случае схватки секретарей я поставил бы на нашего Окаду!

Ремесленная управа, где служил перерожденец Сакаи Рокеро, располагалась в том же Правительственном квартале, что и наша, через пять домов на восток. В ясную погоду бирюзовая крыша здания, казалось, растворялась в небе. Слепя взоры, золоченый конек парил в пустоте.

Я всегда любовался, проходя мимо.

Увы, сегодня погода не радовала. Небо хмурилось, обе-

шая дождь и не торопясь сдержать обещание. Бирюза черепицы выглядела фальшивкой, позолота отблескивала тускло, уныло, безо всякой радости. Настроения мне это не испортило, как и скрипучий тон секретаря. В сердце призывно рокотали барабаны бога грома, моего небесного тезки-покровителя. Невидимое для других солнце выглядывало из-за туч, подмигивало по-свойски:

«Вперед, парень! Ты справишься, я в тебя верю!»

– Торюмон Рэйден, дознаватель службы Карпа-и-Дракона.

У меня есть вопросы к господину Сакаи.

– *Младший* дознаватель? – въедливо уточнил сверчок.

– *Дознаватель*. Я неясно выразился?

– Господина Сакаи в чем-то подозревают? Обвиняют?

– К господину Сакаи у меня нет претензий. Но он является важным свидетелем. Его показания необходимы для установления истины. Надеюсь, вы окажете предписанное содействие?

Следующая фраза – «Иначе мне придется доложить вашему начальству!» – повисла в воздухе топором, готовым рухнуть на голову упрямца. Сверчок съежился, поскутнел, отвел взгляд.

– Направо по коридору. Последний кабинет по левой стороне.

Вот ведь совпадение! Точно так же в нашей управе расположен мой кабинет. Без сомнения, это говорило о невысоком ранге господина Сакаи. Хотя мало ли? Меня, к примеру,

повысили, а кабинет оставили прежний.

– Благодарю за содействие.

Жаль, меня сейчас не видел Сэки Осаму! Мой поклон сверчку был безукоризненным. После такого поклона секретарю оставалось лишь вспороть себе живот, обвинив меня в гнусном насилии.

Вспомнилась банщица Юко. «...не пощадив моей скромности и пренебрегая мольбами...» Шутка, еще миг назад казавшаяся удачной, приобрела гадкий привкус.

– ...Войдите!

И кабинет точная копия моего: собачья конура. Разве что стеллажи со свитками стоят по левую руку от хозяина кабинета, а не по правую, как у меня. На обоях вместо карпов, плывущих меж водяных лилий, строители возводили дом. Стропила крыши тянулись к белым облакам. Я поискал в облаках журавлей и не нашел.

За низеньким столиком, заваленным бумагами, восседал усталого вида самурай лет сорока. Обширные залысины, губы выпячены, усы грустно обвисли. Вот кто похож на карпа!

– Господин Сакаи?

– Да.

– Мое имя Торюмон Рэйдэн. Я дознаватель из службы Карпа-и-Дракона.

– Тысяча благословений вам, Рэйдэн-сан! – к моему удивлению, Сакаи был просто счастлив видеть совершенно незнакомого человека. – Прошу вас, присаживайтесь. Чем

могу быть полезен?

С готовностью, граничившей с поспешностью, он отложил развернутый свиток. Прополоскал кисть в чашке с водой, повесил сушиться на любовно отполированную ореховую перекладину, рядом с тремя другими кистями, и с преувеличенным вниманием вновь повернулся ко мне.

Судя по всему, Сакаи был рад любому уважительному поводу, который позволил бы ему отвлечься от постылой работы. Во мне перерожденец был заинтересован не меньше, чем я в нем.

Все пространство кабинета, и без того невеликое, занимали ларцы, шкатулки и коробки. Отовсюду выглядывали свитки и потрепанные листы бумаги. Чтобы опуститься на циновку для посетителей, мне пришлось с превеликой осторожностью сдвинуть в сторону шаткий штабель ящичков. Пока я усаживался, Сакаи был вынужден глядеть мне в живот с расстояния вытянутой руки.

– У меня к вам есть вопросы по поводу пережитого вами фуккацу.

– Простите мою бестактность, Рэйден-сан... Это, конечно, не мое дело, но раньше мое дело – ну, то, которое ваше, в смысле мое...

Окончательно запутавшись, он подвел итог:

– Это дело вел господин Абэ. Но он уже давно не навещался. И в вашу управу меня не вызывали...

...лишив вас, мысленно закончил я, законного пово-

да увливать от скучной службы. Брюзжание и вредность сверчка сделались понятными.

– Увы, господин Абэ умер. Возраст, болезни...

– Ох! Приношу свои искренние соболезнования!

– Благодарю вас. Теперь это дело веду я. О чем же господин Абэ вас расспрашивал? Вы встречались несколько раз, значит, было о чем поговорить?

– О да, разумеется! Господин Абэ не стал бы вызывать меня попусту. Он желал знать все детали. Как-то он обмолвился, что в этом деле много странностей.

– Я полностью согласен с покойным господином Абэ.

Прозвучало двусмысленно.

– Скажите, – заторопился я, стараясь сгладить неловкость, – вам не показалось странным, что дом, куда вас пригласила незнакомка, на поверку оказался нежилой развалюхой?

– Дом? – вытаращился на меня Сакаи. – Развалюха?!

– Ну да, дом.

– Какой дом? Кладбище!

– Какое еще кладбище?!

Мы уставились друг на друга, будто двое сумасшедших.

– Ну да, – прервал молчание Сакаи. – Кладбище. Вас что-то смущает?

Все, хотел закричать я. Все от начала до конца! К счастью, я вовремя прикусил язык. Перед глазами, как наяву, промелькнули мои недавние действия. Вот Окада вручает мне

выписки из дел. Вот я просматриваю свитки. Первым попадает дело Хаягавы Акихиро. Саке, красotka, драка, фуккацу. Место преступления... Со свитка насмешливо ухмыляется близнец моей «большой рыбы» – рисунок дознавателя Абэ в точности повторяет мои каракули. Вот эта улица, вот этот дом! Знал бы раньше, не бил бы ноги...

А Фудо еще заверял, что в архиве сведений об этих жилищах не сохранилось! Впервые мне удалось поймать архивариуса на ошибке.

Я наскоро просматриваю вторую выписку. Сакаи Рокеро, чиновник ремесленной управы. Саке, красotka, драка, фуккацу. На указанное место преступления я даже не удосужился взглянуть – все и так понятно. И совершенно напрасно, как выяснилось!

Обленились, Рэйдэн-сан? Возомнили себя идеалом дознавателей? Любая загадка на один укуc? Мелочи недостойны нашего внимания?! А мелочи в нашем деле – все! Стыдитесь!

Значит, кладбище?

– Я только-только получил это дело, Сакаи-сан. Вот, вхожу в курс. Итак, с вами это произошло на кладбище? На каком именно?

– На Куренкусаби.

Журавлиный Клиn. Это название я слышал не далее, как сегодня. Там закопали банщицу Юко, что свела счета с жизнью, не в силах снести позор.

– Вы покажете мне то место?

Сакаи замялся.

– Я бы с превеликим удовольствием, но я уже плохо помню...

– Уверен, вы вспомните. Собирайтесь.

– Прямо сейчас? Но я на службе!

В душе господина Сакаи служебный долг боролся со жгучим желанием сбежать из управы хоть на край света, хоть на кладбище. Мне следовало бы поддержать долг, но увы, я поступил иначе.

– В интересах дознания я вынужден просить вас проследовать со мной. Ваше начальство я уведомлю.

– О, Рэйдэн-сан! – карп счастливо плямкнул губами. – Если это в интересах дознания...

И рванул вверх по течению, в драконы:

– Я мигом!

Я вышел в коридор, чтобы не мешать. Долго ждать Сакаи не пришлось.

– Я забираю Сакаи Рокеро для проведения следственных действий на местности, – уведомил я секретаря на выходе из управы. – Приношу извинения за доставленные неудобства, но это совершенно необходимо.

Не правда ли, за два с половиной года службы я отлично научился изъясняться как подобает особому чиновнику при исполнении?

«Простите, что не сказал вам сразу...»

На улице я первым делом прикинул время. Дождь до сих пор не начался – и всерьез раздумывал погодить до завтра. Это хорошо. Час обезьяны¹⁰ вот-вот перевалит за середину. Это уже не так хорошо. Можем не успеть до закрытия ворот на ночь. Надо поспешить. У меня, конечно, имелись служебные полномочия, но я не любил ими пользоваться без крайней нужды.

Господин Сакаи, благодарный за досрочное окончание рабочего дня, все порывался что-то мне поведать – кажется, хотел поделиться тем, о чем расспрашивал его дознаватель Абэ. Со всей возможной вежливостью я прервал его: быстрая ходьба не располагала к беседе. Особенно когда мы, срезая путь, двинулись здешними переулками. Тут бы в грязи не утонуть!

Кладбище Куренкусаби располагалось в трех-четырех *тё*¹¹ от северных ворот. Красная краска на воротных столбах выцвела, облупилась, зонтичная балка просела и пошла трещинами. Время беспощадно, осеннее увядание коснулось не только деревьев и кустов, но и ворот. Долговязый стражник с лишаем на щеке мельком глянул в мою грамоту, кивнул с

¹⁰ Час обезьяны – с 16 до 18 часов дня.

¹¹ Тё – мера длины, 109 м.

безразличием:

– Проходите.

Под сандалиями зачавкала первозданная грязь. Заметив, что Сакаи запыхался, я замедлил шаг. Мы добрались быстрее, чем я рассчитывал. Время есть, можно и поговорить.

– В тот вечер вы понимали, где находитесь? Хотя бы примерно?

Сакаи моргнул и тяжело покачал головой:

– Нет. Не помню. Портовый квартал помню. Как ее встретил, помню. Улицу помню смутно. Пожалуй, найду, если постараюсь...

– А потом?

– Мы куда-то шли. То есть, она шла, а я – за ней. Она пригласила меня переночевать. Ну, я сразу понял, что это значит, – Сакаи усмехнулся. – Как шел, куда – не помню. Потом мы пришли к ее дому. Ну, я тогда думал, что к дому. А там...

– Погодите-ка! Как же вы через ворота-то вышли?! Ворота, небось, закрыли? Как вы стражников уломали? Взятку дали?

– Господин Абэ меня о том же спрашивал. Не знаю, не помню. Сам дивлюсь. Я и ворот не заметил, не то что стражников. Денег никому не давал, это точно помню.

– А сейчас дорогу узнаете?

– Вы в точности как господин Абэ! – восхитился Сакаи. – В один голос поете! Сейчас? Да, узнаю. Когда с господином

Абэ шли, тоже узнавал, ровно досюда. А вот дальше...

Тут и началось оно, которое *дальше*.

Дорога, по которой мы брели, и так была не ахти. Но здесь от нее, словно дочь от матери, уходила и вовсе поганая дорожка, больше похожая на заросшую, давно не хоженую тропу. Шагов через тридцать она ныряла под замшелые ворота из грубого камня. Проходя под ними, я поежился: зябкий холодок коснулся затылка. Порыв ветра? Знак того, что мы пересекли незримую черту, отделяющую мир живых от мира мертвых?

Ерунда! Просто старое кладбище. И между прочим, я здесь по делу.

Под ногами захрустела мелкая галька. Хруст показался неуместно громким, такая здесь стояла тишина. Родилось, явилось без спросу:

Холодом веет.

Зачем мы пришли сюда?

Кладбище, осень.

— Куда теперь?

Сакаи остановился в нерешительности.

— Кажется, туда, — без особой уверенности махнул он рукой.

— Ведите, Сакаи-сан.

Серые плиты безнадежно тонут во влажной земле. Иероглифы посмертных имен превратились в бессмысленные бо-

роздки. Столбы и столбики: по колено, по грудь, в человеческий рост. Шершавые и гладкие, с текстами священных сутр и без. Курильницы для благовоний. Ограды вокруг могильных пагод: здесь лежат знатные или особо состоятельные покойники. Фонари: крышки с загнутыми карнизами, круглые наверху, застарелые следы копоти по краям окошек. Надгробия в виде чаш. В темной дождевой воде плавают опавшие листья. Надгробья в виде ваз. Надгробья в виде поставленных стоймя кусков дикого камня. Он частично обтесан лишь с одной стороны, чтобы высечь на стёсе имя усопшего.

Стылое уныние скрашивается темной бархатистой зеленью мха. От него веет живой прохладой. Роняют листву сакуры. Тянутся к облакам могучие сосны. Почему на кладбищах сосны вырастают настоящими великанами? Нигде больше таких не видел. Впрочем, я много чего не видел.

– Кажется, сюда... Да, точно. Нет, не сюда. Вон туда...

– Далеко еще?

– Где-то здесь, Рэйдэн-сан! Где-то здесь!

– Когда вы посетили кладбище с дознавателем Абэ, вы его быстро нашли? Место, которое ранее сочли домом этой женщины?

Сакаи виновато отвел взгляд:

– Я его вообще не нашел. Простите, что не сказал вам сразу...

Ничего удивительного. Я это уже подозревал.

– Найдем! – прервал я его взмахом руки. – Так или иначе,

а найдем. Следуйте за мной!

И поспешил к выходу.

Сакаи кинулся меня догонять, полон дурного предчувствия.

5

«И что же я должен сделать?»

— ...я ей: далеко еще? А она мне: рядом, добрый господин. Мы сидели на старой колоде в десяти шагах от ворот. Заплечный короб я приспособил в качестве стола.

— Я опять: далеко, а? Благодарю, Рэйдэн-сан!

Он поднял чашку:

— Ну, за ясность мысли!

— За ясность, Сакаи-сан. Кстати, не припомните, у той девушки были какие-то особые приметы? Про цвет кимоно и темный пояс вы говорили, я помню.

— С вышивкой! С вышивкой пояс. А приметы...

Лицо Сакаи просияло:

— Вспомнил! Родинка! На щеке.

— На правой или на левой?

— На левой.

— Благодарю вас. Это важная примета.

Сакаи раздулся от гордости.

Сказать по правде, ясность его мысли оставляла желать лучшего. Мы приканчивали уже второй жбанчик sake. Отку-

да взяли? Я разве не говорил вам, что быстро учусь? Секретарь Окада и архивариус Фудо – люди предусмотрительные. Вот у них и научился. Чтобы развязать человеку язык, проще угостить его хмельным, чем давить да выпытывать. Под чарочку-другую, под задушевную беседу сам все выложит – даже то, о чем говорить и не собирался.

А уж если человек родом из семейства Сакаи...

Фамилию свою Сакаи оправдывал со всем возможным рвением¹². Я прихлебывал по чуть-чуть, больше налегал на пирожки с рисом и тунцом. Купил их по дороге в управу, хотел перекусить, да времени не было. Вот,годились.

В моем заплечном коробе нашлась и пара дорожных лаковых чашек. Не из жбана же пить?

– ...а она: пришли, добрый господин. Мы пришли, а там он сидит. Ха-ха-ха!

Рыбы глазки Сакаи от хохота вылезли из орбит:

– Надулся жабой, квакает...

– Простите за бестактный вопрос, Сакаи-сан. Как именно ваш соперник убил вас?

Сакаи поперхнулся, икнул и схватился за шею. Ага, ясно.

– Задушил! Вот же сволочь... Обратно иду, в новом теле. А горло так и саднит! Все кажется: он меня душит! Тело другое, а все равно... Вот ведь!.. Благодарю, Рэйдэн-сан! Ну, за жизнь! За справедливость, хвала будде Амиде! А давайте споем? Са-ёй-ёй! Закрутила красотка меня, увлекла: «Новая

¹² Одно из значений фамилии Сакаи – Колодец с саке.

лодка любви!» Са-ёй-ёй!

Я откупорил третий, последний жбанчик. Саке уходило в утробу господина Сакаи, как вода в песок. Достаточно ли он захмелел? Я бросил взгляд на небо. Время есть, но в обрез. Дождаться ночи у ворот кладбища в мои планы не входило.

– ...хорошее тело! Мне н-нравится. В том-то у меня это... колотьё в боку начиналось... Выпью и сразу колет! А в этом н-нет! Море саке выпить м-могу! Море!..

Карп изобразил, как бы он нырнул в море, будь там саке вместо воды.

– Б-благодарю, Рэйдэн-сан... Ну, это... Са-ёй-ёй! Ты и я, я и ты, вместе сливаются два ручья... Ситтонтон! Ситтонтон!

– Сакаи-сан, вы начинаете вспоминать дорогу?

– Д-дорогу? Куда? Эта чара, чара, чара, словно полная луна... Ситтонтон, налей вина!

– К дому, куда вас привела девушка.

– Д-дом? Там был д-дом?

– Уверяю вас.

– А ведь верно, был! Я п-покажу! Покажу!

Сакаи попытался встать и едва не упал. Я поддержал его под локоть. Похоже, он выпил достаточно для моего замысла.

– Т-тогда было... б-было... Т-темно!

– Не беспокойтесь, Сакаи-сан. Сейчас станет темно.

Подкравшись сзади, я быстро завязал платком глаза своему пошатывающемуся спутнику. Тонкий хлопчатый пла-

ток – то, что нужно. Темноту обеспечит, но кое-что Сакаи все же видеть будет. Нам не надо, чтобы он считал лбом все деревья и могильные памятники.

– И п-правда! Темно!

Сорвать с глаз платок ему в голову не пришлось.

– Идемте, Сакаи-сан. Покажете мне дорогу.

– И покажу! Покажу! Са-ёй-ёй!

Карп встопорщил плавники: раскинув руки для устойчивости, Сакаи двинулся к воротам кладбища. Сначала медленно, потом все быстрее – словно его в спину кто толкал! Перерожденца носило из стороны в сторону, он спотыкался, брался сквозь зубы. Я ждал, что он вот-вот упадет, но нет, Сакаи мало того что не падал, так еще и воистину плыл против течения, прямиком в драконы.

Плечом задев ворота, он ободрал с них длинную ленту мха – и захрустел сандалиями по дорожке. На развилке, где мы в первый раз свернули направо, его понесло налево. Замедлив шаги, Сакаи принялся кружить меж могил, забираясь вглубь кладбища. Я неотступно следовал за ним, держась в трех шагах позади.

В этой части Журавлиного Клина могилы выглядели попроще. Никаких оград, миниатюрных пагод, каменных ваз. Одни лишь плиты: утопленные в землю или поставленные стоямя. Многие покосились, грозя упасть. Под ногой хрустнул дешевый ковшик для воды. Из таких поливают надгробие, пока монах читает молитву. Еще один, еще... Ковши ед-

ва различимы под слоями грязи и прелыми листьями. Здесь давно не читали молитв, не проводили обрядов. Углубления на плитах – «чаши духов», предназначенные для того, чтобы душа усопшего, посетив наш бренный мир в дни поминовения, могла утолить жажду после долгого пути – были полны черной стоялой воды.

На месте духа я бы поостерегся такую пить.

– Рэйден-сан, где вы?

– Здесь, Сакаи-сан.

Я нагнал хмельного проводника.

– Не м-могли бы вы... Пойти вперед, а?

– Но я не знаю, куда идти. Это вы нас ведете, а не я.

– Я т-тоже не знаю! Н-ноги знают, а я нет.

– И что я должен сделать?

– Помочь!

– Кому? Вам?

– М-моим ногам!

Я испугался, что Сакаи решил влезть мне на закорки, дав ногам отдых. К счастью, дело решилось иначе.

– Она в-передид шла. Звала: «Ид-демте, добрый господин! Вас ждет моя п-постель! Мои об... об... объятия!» Я ее то видел, то н-не видел... А она звала. Сделайте одолжение, Рэйден-сан! Женским голосом, а? И чтобы непонятно откуда! Чтобы ноги сами!

Выпитое саке не убавило моему спутнику болтливости. Идея Сакаи показалась мне безумной ровно в той же степе-

ни, что и вся моя затея. Почему бы и нет? Что я теряю?

– Хорошо, Сакай-сан. Идите куда ноги несут. А я стану вас звать.

– Тысяча б-благодарностей, Рэйдэн-сан!

Я отошел шагов на тридцать. Присел, чтобы звук шел низко над землей, позвал тоненьким голоском, со всем возможным кокетством:

– Идемте, добрый господин! Мы уже рядом!

Сакай заметно оживился, рванул куда-то вбок. Уловка удалась: звук голоса, гуляя в каменных зарослях и отражаясь от них, сбивал с толку, не позволял определить направление.

– Поспешите, господин! Вас ждет ложе любви!

Горло свело. Я закашлялся, прижав ко рту кулак, и едва расслышал ответ:

– Да где же вы?! Д-далеко еще?

– Вот-вот придем, господин! – запищал я, представляясь себе глупой и оскорбительной пародией на архивариуса Фудо с его поврежденным горлом. – Торопитесь! Вы не пожалеете!

Сумерки сгущались. Сакай убредал все дальше. Я следил за ним: не хватало еще упустить перерожденца из виду. Ищи его потом!

– Вас ждет ночь блаженства! Мы уже на месте!

Сакай повернул в мою сторону. Я спрятался за высоким надгробием, желая остаться незамеченным. Переживая в укрытии, огляделся. Вид кладбища по мере нашего про-

движения опять изменился. Надгробия стояли реже, попалось больше пустых участков. Возле ближайших могил я заметил ритуальные дощечки – серые, подгнившие, с плохо различимыми надписями. Имя усопшего, дата смерти, краткая молитва. На ближайшей оставалось свободное место, но новых молитв туда уже не дописывали.

Уныние, запустение. Смерть, и та позабыла об этом уголке своего царства.

Звук падения тела я едва различил. Проклятье! Вскакивая на ноги, я услышал стон, и следом – радостный возглас Сакаи:

– Нашел! Нашел!

Он сидел на земле, прижав ладонь ко лбу. Мой платок сполз ему на подбородок. Из-под ладони сочилась тоненькая струйка крови. Сакаи счастливо улыбался:

– Нашел! Его, в смысле, ее... Ну, вы поняли, Рэйдзен-сан!

– Вы уверены?

– То самое место! Оно, точно, оно!

Падение вышибло из моего спутника большую часть хмеля. Во всяком случае, язык его не заплетался.

– Я тогда тоже упал. Думал, о порог споткнулся. Ну, пьяный, бывает. И сейчас тоже! И пьяный, и упал. Нашел!

Порогом оказался давно рухнувший могильный столбик, наполовину ушедший в землю. Дальше, там, куда с такой радостью указывал Сакаи...

Там ничего не было.

Я заставил Сакаи отнять ладонь ото лба. Промыл ссадину остатками sake, перебинтовал платком. После этого акта милосердия я занялся осмотром места. Ни плиты, ни надгробного камня. Поверженный столбик не в счет. Он явно принадлежал к другому захоронению. Даже насчет еле заметного холмика у меня были сомнения. Холмик просел, сгладили; я б его и не заметил, если бы не...

– Призрачный цветок! – выдохнул Сакаи.

Хиганбана. Растение с десятком названий. В точности такие цветы росли возле памятного мне дома на безымянной улице. Нигде больше на кладбище я их не заметил.

– Я его помню, помню! Порог, цветок...

– Я вам верю, Сакаи-сан. Благодарю за помощь. Давайте вернемся в город, скоро ночь.

– Не пахнут, – бормотал Сакаи, когда мы выбирались с кладбища. – Тогда пахли... Я помню, помню! А сейчас – нет...

Он был прав. Могильная хиганбана ничем не пахла.

Глава четвертая

Я иду в театр

1

«И негде сменить нам усталых коней!»

– Слышишь

Удары барабана? Восемь раз!

Какой высокий звук

Летит

Из храма на «Высоком поле»!

Ущербная луна стоит высоко.

Недолго ждать нам до рассвета...

В театре шла репетиция.

Зал был пуст. Лишь подушки для сидения валялись тут и там. Я присел у стены на одну, стараясь не привлекать к себе внимания. Окажись здесь настоятель Иссэн, небось, сразу бы сказал, что за пьеса разыгрывается на сцене. Я же просто смотрел и слушал, не слишком понимая, кто тут ждет рассвета и с какой целью.

– Много было у нас по пути

Приютов, гостиниц,
Где мы ночевали
На ложе любви...
Но длиннее,
Чем тысячи тысяч ри,
Тянется путь на запад
До райских селений.

Красавица причитала на «цветочной тропе» – длинном помосте, расположенном слева от сцены. Насколько я знал, «цветочная тропа» использовалась актерами для выхода к публике, но в редких случаях служила местом для особых, подчеркнуто трагичных речей.

Не прекращая монолога, красавица прошлась туда-сюда церемонным шагом. Заломила руки, всплеснув рукавами. Она была символом женственности, вся – текучие изгибы, будто ива над ручьем. Светильники не горели, густо набеленное лицо висело в сумраке луной, вышедшей из-за туч. Черные волосы, искусно растрепанные воображаемым ветром, на концах были схвачены золотыми лентами – точь-в-точь ночные облака, подсвеченные угасающими лучами заката, скрытого за горной грядой.

Одежду красавица носила самую изысканную. Шелковое кимоно, с узором из листьев ивы и тигровых лилий. Широкий пояс заткан листьями клена; на плечах колышется легкий шарф...

– И негде сменить нам усталых коней!
На пороге обители Ста Наслаждений
Встретят нас бодисаттвы –
Каннон и Сэйси.
Под руки нас, истомленных, они поведут
И даруют покой
На подножии-лотосе...
Славься, будда Амида!
Славься, будда Амида!
Вам нравится, мой юный поклонник?

Не сразу я понял, что последняя реплика адресована мне. Сперва показалось, что драматург, сочиняя пьесу, был слишком фамильярен с буддой. Сообразив наконец, что происходит, я судорожно подыскивал достойный ответ, а красавица уже спускалась со сцены и шла ко мне. Шла так, словно у нее не было ног – плыла, колыхалась, текла речной водой.

– Вы смущены? – спросила она. – Напрасно.

Спросил *он*.

Вблизи делалось ясно, что передо мной актер. А может, актер пощадил меня, выйдя из образа женщины. Пояс, завязанный сзади, вдруг ослабел, грозя распуститься, взгляду открылось второе, белое кимоно. Из-под него виднелись края третьего, нижнего – темно-красного. Уверен, актер сделал это сознательно, но в его действиях не было ничего от намерения соблазнить молоденького простофилю. Напротив, мужчина в нем стал явственней, оттесняя женский призрак

все дальше, изгоняя прочь. Изменилась и походка: твердый уверенный шаг.

Широкие плечи. Узкие бедра.

– Ваше мастерство восхищает, – я вскочил, кланяясь. – Позвольте представиться: Торюмон Рэйден...

– Дознаватель службы Карпа-и-Дракона, – закончил он.

– Как вы догадались?

– У вас на одежде служебная эмблема.

Если его лицо покрывали белила, то мое залила краска. Тупица! Безмозглый идиот! Ну конечно же, он сразу понял, кто ты! Не только твоя одежда, но и твой дурацкий вопрос сразу показал ему, с кем он имеет дело – с молокососом, корчащим из себя невесть что!

– Меня зовут Кохэку, – улыбаясь, актер ответил мне изящным поклоном. Мое замешательство не осталось для него тайной. – Друзья так зовут меня из-за смуглого цвета лица¹³. Под гримом это не заметно, но это правда.

Рисовая мука покрывала не только его лицо, но и все видимые части тела: шею, руки, запястья. Зато уши, брови, щеки и веки Кохэку были окрашены в самые разные цвета: красный, черный, зеленый. Как ни странно, даже вблизи это лишь усиливало впечатление яркой, демонстративной женственности.

– Надеюсь, вы не откажетесь звать меня этим именем?

Музыка смолкла. Барабанщик на сцене перестал стучать

¹³ Кохэку – Янтарный.

в свои барабаны, а флейтист оборвал тягучую мелодию. Я не видел, чтобы Кохэку подал им знак, но знак, вне сомнений, был, потому что оба музыканта исчезли, как не бывало.

– Тикамацу Мондзаэмон, – звучным голосом, гораздо более низким, чем он говорил до сих пор, произнес Кохэку. – Запомните: Тикамацу Мондзаэмон.

– Это ваше настоящее имя?

Он засмеялся:

– Хотелось бы! Будь я господином Тикамацу, я бы, наверное, умер от счастья. Уметь слагать такие строки? Воистину милость богов! Тикамацу Мондзаэмон – автор пьесы, которую я сейчас так бездарно репетировал. Я прочел на вашем лице интерес, но не прочел узнавания. Теперь, если вас спросят, вы небрежно ответите: «Я видел «Ночную песню погонщика Ёсаку из Тамба» за авторством Тикамацу Мондзаэмона.»

– И меня сочтут знатоком?

– И вас сочтут знатоком, – без тени насмешки ответил Кохэку. – Это легче легкого: прослыть знатоком. Чтобы стать актером, горшечником, изготовителем циновок, нужен талант и годы труда. Но для того, чтобы прослыть знатоком в глазах невежд, достаточно вовремя вернуть пару слов. Раз, и ты уже на вершине горы!

– А что нужно, чтобы оставаться знатоком после этого?

– Нужно при случае и даже без подходящего случая время от времени повторять: «О, Тикамацу Мондзаэмон! Я ви-

дел репетицию великого Кохэку, когда он играл роль Коман, служанки из придорожной харчевни. Это было восхитительно!»

– Великого Кохэку?

– А вы решили, что я даром даю вам такие ценные советы? Позвольте же и мне получить свою долю от вашего грядущего величия!

– Я запомню, – пообещал я. – И поделюсь величием, можете не сомневаться. Теперь позвольте и мне задать вам несколько вопросов. Вы знали Кояму Имори? Бывшего смотрителя зонтика при нашем князе?

– Мы были любовниками, – без колебаний ответил Кохэку. На лицо его набежала тень, с которой не справился бы и второй слой белил. – Я не знал никого, в ком было бы столько нежности.

Он старше, отметил я. Кохэку старше господина Имори, сейчас это ясно видно. О том говорили: «юноша». Актер – мужчина в расцвете зрелости. Хотя, пожалуй, при желании он может быть кем угодно, и все поверят в это.

– Любовниками?

– Вас это удивляет?

– Нет.

Вакасю-до, «путь юноши», был мне хорошо известен – правда, понаслышке. Сам я не испытывал страстной тяги к старшим самураям; не испытывал и к младшим. Признаться, я был рад, что господин Сэки или архивариус Фудо не

предлагают мне вступить вместе с ними на путь «мужского цветения». Не то чтобы они были лишены достоинств, как телесных, так и моральных, но мне не хотелось огорчить их отказом. Впрочем, вокруг и без меня хватало случаев вакасю-до, чтобы принять их как обыденность.

Настоятель Иссэн говорил, что молодые актеры Кабуки, подвигающиеся на женских ролях, откладывают или даже скрывают свое совершеннолетие, желая сохранить привлекательность для зрелых любовников. Случалось, актеры оставались в юношеском статусе до тридцати лет. Нередко выходило, что «взрослый» нанимал или подарками склонял к сожителству «мальчика», который был старше нанимателя. Думаю, такая же история случилась с Кохэку и господином Имори.

– Чуб, – задумчиво произнес я. – Когда вы состригли свой чуб, начав брить лоб?

Кохэку не удивился:

– Перед бегством Имори. Сразу после того, как он опозорил себя насилием. Мне подумалось, что притворство, желание выглядеть моложе своих лет помешало мне разглядеть в Имори его истинную порочную сущность. Откуда вам известно про чуб? Мне казалось, вы не сторонник «мужского цветения». Тем более что сейчас я в парике, и не видно, есть у меня чуб или нет.

Я улыбнулся:

– Длинный чуб – детская прическа. Оставь на голове чуб,

дерзкий клок волос вместо бритого лба – и вот ты живая невинность, вечное дитя!

– Да вы знаток, Рэйден-сан!

– Это не мои слова. Их произнес Иссэн Содзю, настоятель храма Вакаикуса. Я лишь подслушал сказанное настоятелем и сейчас повторил для вас. Это легче легкого: прослыть знатоком, не правда ли? Достаточно вовремя вернуть пару слов.

Кохэку рассмеялся, на миг вернув себе образ женщины – и сразу сбросив его. Я поразился тому, с какой непринужденностью он менял обличья. В другую одежду, и то переодеваешься дольше.

– У вас есть еще вопросы, Рэйден-сан? Беседа с вами – истинное наслаждение, но мне надо репетировать.

– Когда вы расстались с господином Имори?

– Вскоре после того, как прошла весть о его отвратительном поступке. Подвергнуть насилию несчастную банщицу? Девицу, которая и так вынуждена отдаваться любому за горсть медяков? Мерзость, низость. Я не мог продолжать наши отношения, о чем сразу сказал Имори.

– Он пытался вас разубедить? Вернуть вашу любовь?

– Да. Он трижды приходил в театр. Ждал меня после спектакля, затевал разговоры. Они были мне неприятны. Когда Имори понял, что все кончено, что возврата к бывшему нет, он оставил меня в покое. Ты последний, заявил он перед уходом.

– Последний? В смысле?

– Он не объяснил. Думаю, он хотел сказать, что я последний, от кого он ждал такой непреклонности и такой жестокости. Это был упрек, Рэйдзен-сан. Что еще вы хотите знать?

– Больше ничего. Спасибо, вы мне очень помогли.

Идя по коридору, я услышал стук барабанчиков и голос флейты.

2

«Немедленно! Выполняйте!»

Все было, как и в прошлый раз.

Кабинет господина Сэки. Лапша, саке. Прежняя компания: старший дознаватель, секретарь, архивариус. Карп на стене, плывущий против течения. Только сегодня лапша была не с креветками, а с осьминогом. К осьминогу дядюшка Ючи прислал соус из водорослей, тунцовой стружки и красного имбиря. Мой любимый, между прочим.

Знаете, как дядюшка готовит осьминога? Он его перед варкой отбивает, и не просто отбивает, а вместо колотушки лупит дайконом, здоровенной очищенной редькой, ухватив ее за ботву. Лупит и приговаривает: «Дайкон васабиги не слаще! Дайкон васабиги не слаще!» От этого, значит, осьминог приобретает особый вкус. Его еще варить надо с чайными листьями...

Что-то я отвлекся.

Короче, все как раньше, да не все. Еды мне подкладывают, только успевай в рот совать. На sake не скупятся. Едва чашка опустеет, опять лют. И не на доньшко, а полчашки, не меньше. Точно я любимый родственник или гость, которого провожают в дальний путь. Нет, родственник мне больше нравится. Кормят, поят, слушают.

Сам не заметил, как обо всем доложил.

– Банщица? – переспросил Сэки Осаму.

– Да, Сэки-сан!

– Самоубийство?

– Да, Сэки-сан!

– Насилие?

– Да, Сэки-сан!

– Окада-сан, что вы думаете по этому поводу?

– Что тут думать? – вздохнул секретарь. – Дело ясное, это *онрё*. Больше никто не в состоянии отвести глаза так, чтобы могила показалась жертве богато обставленным жилищем. Зброшенный дом – еще куда ни шло, но могила? Точно, *онрё*.

– Мстительный дух, – поддержал архивариус Фудо. – Одержимый. Полагаю, Кояма Имори умер первым. С него банщица и начала. Уж не знаю, как она покончила с насильником, но по нашему ведомству он не проходил.

– Иной способ умерщвления? – предположил старший дознаватель.

Архивариус пожал плечами:

– Возможно. А может быть и так, что после фуккацу перерожденец не явился к нам с заявлением. Кому охота примерять на себя тело гнусного насильника? Носить его до смерти, чтобы на улице пальцами вслед тыкали? Переродился в теле Имори да и сбежал из города, подальше от злых языков. Многие бы не поверили в фуккацу, решили бы, что таким образом гаденыш Имори пытается уйти от позора. Проходу бы не дали, уверяю вас. Так что версию о побеге я бы не стал отвергать. Что скажете, Рэйдэн-сан?

– Он мертв, – с уверенностью откликнулся я. – Кояма Имори мертв, в этом у меня нет сомнений. Он умер первым, если не считать банщицу Юко.

Я говорил чистую правду. Во-первых, мог ли я соврать начальству? Я, живое воплощение долга? Пожалуй, мог, но не сейчас. Во-вторых, я действительно не сомневался в смерти красавчика Имори. Меня мучил целый рой сомнений, язви, толкал к безумным действиям и опрометчивым поступкам. Но эти назойливые сомнения были совсем иного толка.

– Хорошенькое дело, – господин Сэки подцепил палочками кусок щупальца. Есть не стал, держал просто так, рассматривал. Казалось, он держит не осьминога, а покойницу-Юко, выловленную из миски. – Мертвая банщица, одержимая мстью, провоцирует самураев на смертельные схватки из ревности. Злобный онрё разгуливает по Акаяме, утоляя свою неистовую жажду. Фуккацу следует за фуккацу, а мы только сейчас понимаем, с чем имеем дело. Великий буд-

да! Как же не вовремя скончался дознаватель Абэ...

Все опять уставились на меня, словно это я был повинен в кончине чахоточного Абэ.

– И как же вовремя вы, Окада-сан, послали этого самурая с его заявлением к господину Рэйдену! Кто другой мог бы и закрыть дело без лишних хлопот. Оформил бы грамоту, и ладно...

Я вертелся под их взглядами, как на иголках.

– Выпейте саке, Рэйден-сан, – предложил секретарь.

– Возьмите еще лапши, – добавил Фудо.

– И осьминога, – вмешался старший дознаватель. – Может, хотите чаю?

Еще миг, и я пал бы перед ними ниц. Повинился в том, о чем умалчивал; поделился догадками и предположениями. Признался бы, что собираюсь делать, чем готов рискнуть. Я бы пал, повинился, но мне не дали.

– Идите в Вакаикуса, – приказал Сэки Осаму, возвращая себе прежний строгий облик, не располагающий к лишней откровенности. – Расскажите все настоятелю Иссэну. Повторяю: все, не упуская ни единой мелочи. Передайте мою просьбу сделать все возможное, чтобы мстительный дух упокоился с миром. Вознаграждение за обряды я отошлю в храм. Если святой Иссэн пойдет нам навстречу – поступайте в его распоряжение, проводите на кладбище и укажите место захоронения вредоносной банщицы. Дальше поступайте сообразно обстоятельствам.

– Да, Сэки-сан! Слушаюсь!

– Пусть Рэйден-сан доест лапшу, – заикнулся было секретарь. – Вон еще сколько соуса...

Думаете, господин Сэки снизошел?

– Немедленно! – рявкнул он. – Выполняйте!

И добавил, когда я уже стоял в дверях:

– Рэйден-сан, мне доложили, что вас сегодня видели выходящим из театра, расположенного на улице Кобаяси. Что вы там делали, скажите на милость? Ранее вы не были замечены в пристрастии к сценическому искусству. Учитывая, что представления даются вечером, а вы посещали театр в первой половине дня... Это как-то связано с вашим расследованием? Вы о чем-то умалчиваете, да? Вы помните, чем обычно заканчивается ваша самодеятельность?

Я высокомерно задрал подбородок:

– О, Тикамацу Мондзаэмон!

– Что? – глаза господина Сэки полезли на лоб.

– В театре, Сэки-сан, я видел «Ночную песню погонщика Ёсаку из Тамба» за авторством блистательного Тикамацу Мондзаэмона. Представление? Вечером? Зачем мне представление, если небеса подарили мне возможность наблюдать за репетицией великого Кохэку?! «И негде сменить нам усталых коней!» Он играл роль Коман, служанки из придорожной харчевни.

Вспомнив наставления актера, я всплеснул руками:

– Это было восхитительно!

– Рэйден-сан, да вы знаток! – ахнул секретарь Окада.
– Знаток, – согласился архивариус Фудо.
Господин Сэки промолчал.

3

«Недостойному монаху требуется храм-замо́к»

– Да, – сказал настоятель Иссэн. – Это здесь.

Старый монах топтался на месте, на том самом месте, где Сакаи Рокеро вчера расшиб лоб. Год назад, будучи пьяным и очарованным, Сакаи счел это место благополучным домом, где его ждут неземные наслаждения. Кое-что его действительно ждало – ревность, ярость, чужие пальцы на горле.

Эти пальцы Сакаи Рокеро сейчас называл своими.

– Никаких сомнений, – бормотал старик. – Я чувствую присутствие онрё. Здесь все пропитано мстостью. Неутоленная страсть, гнев, злоба – у меня голова болит от бурления чувств. Вы умница, Рэйден-сан. Как хорошо, что вы не забили следствие! Эта могила нуждается в погребальных обрядах, как умирающий от жажды – в глотке воды.

Монах наклонился, поднял чью-то ритуальную дощечку с верхушкой в виде пятиярусной пагоды. Взмахнул, словно веером:

– Господин Имори, конечно, насильник, но он правильно сделал, что сбежал из города. Остаься он в городе, и онрё

быстро добрался бы до него. Господин Имори сбежал, лишив духа, привязанного к Акаяме, возможности отомстить. Вот онрё и взялся за самураев, подобных господину Имори...

В последнее время я редко видел святого Иссэна. Случайные встречи, когда монах с послушниками собирал пожертвования на храм; деликатная беседа о том, почему меня не переводят в столицу – вот, пожалуй, и все. Мы могли бы встретиться на похоронах дознавателя Абэ, но меня туда не пригласили: да, сослуживец, но не близкий друг и не значительная личность, появление которой – честь для усопшего. Смена сезонов года, уйма перемен, так мало свиданий, а казалось, мы расстались вчера. Помню, после Фукугахамы, откуда я чудом возвратился живым, я спросил, как называются книги, которые старик внезапно решил мне подарить. «Повести о карме» и «Рассказы ночной стражи», – сказал он. – Есть и третья, но мне не удалось ее приобрести...»

Каюсь, я так и не собрался их прочесть. Боюсь, Иссэн отыщет третью книгу раньше, чем я возьмусь за первую. Вот стыдоба будет!

Время шло, а старый монах ни капельки не изменился. Сухонький, маленький, подвижный как обезьянка. Лицо изрезано морщинами: неповторимый узор лет. Здесь и сейчас, на кладбище Куренкусаби, он был... Как бы вам объяснить? На своем месте, вот. Актер Кохэку наслаждался каждым шагом по сцене, какие бы страсти ни терзали человека, которого актер представлял. Настоятель Иссэн всей душой впи-

тывал каждое дуновение кладбищенских сквозняков, чувствуя свою ответственность, изнывая от желания помочь – и, уж простите за странное подозрение, наслаждаясь возможностью принести очевидную пользу.

Не знаю, достойно ли это для монаха, которому приличествует сердце, подобное сохлому дереву, и разум, схожий с горсткой пепла. Но я буду последним, кто упрекнет за это Иссэна Содзю.

– Здесь, конечно, хорошо бы поставить храм...

– Что? – ахнул я.

– Храм, – нимало не смутившись, повторил старик. – В местах, где завелся онрё, в древности ставили храмы. Это умиротворяет духа, а если нет, то хотя бы запирает его, не позволяя причинять вред. Сейчас, конечно, власти воспротивятся такой идее. Да и где взять средства на постройку?

Это точно, отметил я. Господин Сэки обещал заплатить за обряды, но вряд ли управа раскошелится на строительство храма.

– И все же мы поставим здесь храм, – воодушевился настоятель. – Пусть не настоящий, и даже не каменный... Камень – это слишком долго, а нам следует поторопиться. Рэйдэн-сан, вам не обязательно присутствовать при обрядах. Я справлюсь сам. Если что, мне поможет Гонза...

В обитель к старику я прискакал на лошади. При всей моей нелюбви к езде верхом я взял лошадь в казенных конюшнях, справедливо полагая, что время не ждет. Вот и монах

говорит, что следует поторопиться. К сожалению, усадить старика в седло не представлялось возможным – и на кладбище мы отправились пешком в сопровождении упомянутого Гонзы. Второму послушнику было дано поручение вернуть лошадь обратно в конюшни – не при храме же ее оставлять?

Надвигался вечер. Зная про онрё, в особенности про любовь духа к молодым самурайчикам, я ежился от липкого озноба. Впрочем, настоящего страха не было – это рядом-то со святым Иссэном?

– Отправляйтесь в город, Рэйден-сан. На Большой Западной улице отыщите лавку мастера Куродо. Они изготавливают ларцы и шкатулки. Скажите, что мне нужен храм.

Старик сошел с ума, подумал я. Мастер Куродо выгонит меня взащей.

– Храм высотой до колена, из досечек криптомерии. Если смотреть через центральные ворота с наружной стороны, должны быть видны четыре проема. В каждом пусть мастер поставит фигурки божеств-охранников, вырезав их из кипариса. Имена хранителей Дзикокутэн, Дзотётэн, Тамонтэн и Комокутэн. Вид их должен выражать гнев и ярость, желательно в крайней степени. Два центральных проема будут служить входом и выходом, но их надо разделить столбом, который, напротив, станет препятствовать выходу и входу. Запомнили?

Я с неуверенностью кивнул.

– Если что-то забудете, не беда. Просто скажите Куродо:

«Недостойному монаху требуется храм-замок». Мастер все поймет и сделает, как надо. Он уже работал с подобными заказами. После этого вы можете не возвращаться на кладбище. Идите домой, ложитесь спать. Изготовление такого храма – дело небыстрое. Велите мастеру послать ко мне мальчишку, когда все будет готово. Я с послушниками установлю храм без вашей помощи.

– Он сгниет, Иссэн-сан.

– Кто сгниет?

– Ваш храм. Крптомерия, кипарис; жалкие дощечки, резные фигурки. Дождь, снег, ветер, летний зной... Как быстро от храма останется кучка гнили?

Монах засмеялся:

– Храмы не гниют, Рэйдэн-сан. Да, от изделия мастера Куродо останется в итоге кучка гнили. Так ведь и от моих обрядов, несущих мир и покой несчастной банщице Юко, к ночи останется лишь жалкое сотрясение воздуха. Но, поверьте, молитвы продолжают звучать даже после того, как я закрою свой беззубый рот и удалюсь прочь. Если вы их не услышите, то душа банщицы услышит наверняка. А храм-замок пребудет здесь вовеки, даже если он сгниет до последней дощечки. Подножием он упрется в преисподнюю, крышей вознесется до небес. Дождь? Ветер? Молния вашего небесного тезки не причинит ему вреда. Вы мне верите?

Я кивнул.

«...от моих обрядов, – сказал святой Иссэн, – несущих

мир и покой несчастной банщице Юко, к ночи останется лишь жалкое сотрясение воздуха.» Впервые я сообразил, что имя банщицы значит «Дитя ночи». Совпадение? Кладбище Журавлиный Клин; журавли на обоях в жилище Юко, журавли на ширме в моем кабинете...

Совпадения – знаки, которые нам посылает судьба.

– Онрё, – сменил я тему. – Иссэн-сан, что нужно, чтобы человек после смерти превратился в ужасного онрё?

Монах вздохнул:

– Три вещи, Рэйдэн-сан. Три вещи, столь свойственные людям, что мы их даже не замечаем. Во-первых, надо, чтобы при жизни человек не достиг своих целей, как бы он к ним ни стремился. Во-вторых, умирая, человек должен испытывать ненависть, горечь, злобу. И наконец, будучи при смерти, он должен гордиться, наслаждаться той властью над обидчиками, которую обретет, превратившись в онрё. Если говорить проще, умирающим должна владеть всепоглощающая страсть, усиленная злобой и подкрепленная желанием отомстить. Онрё и есть эта страсть, власть, месть.

Поразмыслив, настоятель добавил:

– Еще желательно, чтобы умерший не оставил потомков, которые могли бы почитать предка и умиротворять его поминальными жертвами. Это желательно, но не обязательно. Страсть, неутоленная страсть – вот что лежит в основе появления мстительного духа.

– А если онрё... Если дух умершего, уже обратившись

в онрё, отвергнет эту страсть? Если у него появится иная страсть, превыше этой?

– Я не слыхал о таких случаях, Рэйдэн-сан. Но полагаю, тогда онрё утратит силу и спокойно отойдет в мир иной. Ну, разве что новая страсть будет отягощена не менее сильной злобой и не менее жгучей тягой к мести. Тогда дух останется прежним онрё, доставляя обидчикам уйму неприятностей.

– Я признателен вам, Иссэн-сан.

– За что?

– Вы просветили меня, неразумного. То, что вы сказали, очень важно.

Он смотрел мне вслед, когда, пробираясь меж надгробиями и оскальзываясь в грязи, я шел к выходу с кладбища. Кажется, монах хотел задержать меня, расспросить о чем-то. Хотел, но передумал, за что я был благодарен святому Иссэну.

Я бы не смог ему солгать, задай он прямой вопрос.

Глава пятая

Цветы больше не пахнут

1

«Пожалуйста, проходите, проходите!»

Это была самая приличная харчевня в квартале.

По крайней мере, единственная в здешних краях, чье название я мог вспомнить. У «Эйкю хару» имелся высокий фасад, выкрашенный в зеленый цвет – чтобы соответствовать названию¹⁴ – и два зала: верхний и нижний. Я расположился в верхнем, более дорогом, став предметом насмешек посетителей из нижнего... Заказал мэсимоно¹⁵ с угрем, красным рисом и каштанами – и бутылочку подогретого sake.

Кроме меня, наверху больше никого не было.

Чему тут удивляться? Кто станет привередничать в трех шагах от выхода из портового квартала? Проще уж выйти за ворота и подыскать другое, более пристойное место. К порту идут за дешевой едой и дешевой выпивкой. Но владелец «Эйкю хару», похоже, решил совместить высокое и низкое –

¹⁴ «Эйкю хару» – «Вечная весна».

¹⁵ Мэсимоно – горячая рыба, мясо или овощи, приготовленные отдельно и положенные на горячий рис, либо варящиеся вместе с рисом.

как в прямом, так и в переносном смысле – и загребать монеты двумя руками сразу.

Одна рука оказалась короче другой. Снизу неся нестройный хор голосов, звяканье посуды, оттуда тянуло кухонным чадом, а наверху царили вкрадчивый полумрак, изысканные ароматы, относительная тишина – и явная нехватка клиентов.

Меня, в отличие от хозяев, это вполне устраивало.

– Ко мне могут прийти, – предупредил я еще на входе. – Кто бы ни спросил господина Торюмона, бегом ведите ко мне. Кто бы это ни был, хоть распоследний оборванец. Ясно?

В ответ я получил самые горячие заверения, что все будет исполнено в точности.

Когда подогрели sake и принесли ломтики маринованного дайкона в имбирном соусе, я повторил свои указания подавальщику. Теперь оставалось только ждать. Ждать и надеяться, что мой расчет верен.

За окном стремительно темнело. Вскоре даже мягкий свет бумажных фонариков не позволял разглядеть, что творится снаружи. Я не торопясь попивал остывающее sake. Напиться мне нельзя, но и совсем трезвым я быть не должен. Вот ведь задача: как соблюсти меру?

Принесли мэсимоно. Вдохнув пряный аромат, я сделал знак подавальщику задержаться. Положил в рот кусочек рыбы, обильно политой соусом, попробовал рис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.